

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Сергей Соколов

ГРОЗНЫЙ

Первый настоящий
император Руси

Русский исторический бестселлер

Сергей Соколов

**Грозный. Первый
настоящий император Руси**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соколов С. В.

Грозный. Первый настоящий император Руси / С. В. Соколов —
«Эксмо», 2020 — (Русский исторический бестселлер)

ISBN 978-5-04-115487-5

Середина XVI века. Царь Иван IV еще не стал Грозным. Он изо всех сил старается воплотить в жизнь свою мечту: присоединить к Московскому государству бескрайние заволжские земли. Но неодолимой преградой к этой цели стоит непокорная Казань. Искусные всадники татарского князя Епанчи громят русские сотни. Поражения вынуждают царя изменить тактику. Он начинает строить мощные крепости под носом у казанцев и готовить сокрушительный удар. Пережить этот драматический период своей жизни Ивану Грозному помогает нежная, преданная ему казанская красавица Сююмбике. Царь по-юношески влюблен в нее, его сердце без остатка отдано ей. Ей, дочери хана Юсуфа из Ногайской орды, заклятого врага русского самодержца...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115487-5

© Соколов С. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие	6
Том I	10
Утро в Напрудном	10
Дорога к Кремлю	12
Белая палата	14
Совет у дьяка Выродкова и отправка на войну	16
Мы все провалили. Февраль 1550-го	18
Ночная встреча	21
Место силы	26
Начало большой стройки	31
Сабантуй	35
Большая стройка и сплав	41
Царь в Угличе	46
В мечети тихо	50
Приплыли	56
Плач Сююмбике	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Сергей Соколов
Грозный
Первый настоящий император Руси

Серия «Русский исторический бестселлер»

В оформлении переплета использована иллюстрация художника И. Варавина

© Соколов С., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Русь начинается с Рюрика,
Россия начинается со ВЗЯТИЯ!*

Предисловие

Откуда начинается Россия? Былинные Киевские времена трогательны и дороги сердцу, а дохристианская Русь, как корни огромного дерева, надежно спрятана от нашего познания в слоях исторической почвы. Неугасающая свеча православия на Клязьме и Нерли среди междоусобицы и дикого нашествия. Древние московские князья, вбирающие в свою калиту мелкие городки и уезды, готовые ради своей маленькой вотчины на Боровицком холме резать соседей и унижаться перед Ордой... Все это, безусловно, наши милые ветхозаветные истоки.

Само слово «Россия» звучит как исключительно планетарное. Россия – это от океана до океана, от ледяных панцирей до ласковых южных морей. Это могучий Урал и вольный Кавказ, это тысячи верст тайги, это когда шпалы кончились и рельсов нет, а тайга все простирается за Байкал до самого Амура! Россия – это благолепный колокольный звон и призыв муэдзина, звезды Давида в палатах Булгарских ханов, таинство причастия и стройность мечетей. Россия – это много, разнообразно и необъятно!

Волгой, конечно, можно считать и скромную речку в Тверской области, но настоящая Волга с воспетыми утесами и ширию начинается после впадения в нее больших рек. Можно считать началом Руси приход варягов, но Россией она становится после объединения Европы и Азии. А началось оно после присоединения Казанского ханства к Московскому государству осенью 1552 года. И тут уж – как при впадении Камы в Волгу – еще надо разобраться, кто в кого впадает...

Проект присоединения Казанского края к Москве, который совершили наши предки, не имеет аналогов в истории по своему масштабу, технической оригинальности и здоровой наглости. Ведь что, собственно, произошло? Молодой царь с небольшим опытом государственного управления, с кучкой молодых же единомышленников встал перед огромной проблемой – Казанским ханством. Наследница Великого Булгара – Казань за сотню лет корнями и ветвями переплелась с государством московских князей, но по своему политическому складу была для Москвы смертельным врагом и тяжелым препятствием. Что делали многие десятилетия предки Ивана IV и он сам по юности с этой проблемой? Традиционно устраивали зимний поход, чтобы не отрываться от земледелия и не портить нивы, с большим или меньшим успехом намять казанцам бока и вернуться до весенней распутицы. В итоге «Маруся – от счастья слезы льет!», но заноза остается в том же месте.

Строительство крупной крепости в верховьях Волги, сплав и сборка ее стен и башен в максимальной близости от столицы государства с сильным военным режимом, умелое привлечение в свою орбиту дружественных или невраждебных народов Поволжья и казанских кланов и, наконец, штурм и последующий прорыв в просторы Азии – такого не совершал никто до Ивана, прозванного впоследствии Грозным. И все это на глазах не успевших ничего противопоставить Турции и Крымского ханства, которые тоже не были простачками. Достаточно вспомнить, что крымский хан отомстил за взятие Казани через несколько лет – сжег Москву.

Казалось бы, на протяжении своего существования человечество только и делало, что строило, захватывало и разрушало города. Когда-то греки взяли Трою, турки разгромили Константинополь и заняли его окрестности – что тут удивительного? А то, что «колонизация», как любят в литературе называть присоединение Казани к Русскому государству, проходила тут совсем по-другому. Например, испанцы покоряли Америку. Но разве отдавали они побежденным целые города в своих метрополиях, где-нибудь под Севильей? Это даже дико представить. А вот русские государи отдавали казанским татарам в полное правление целые города и княжества. Хану Шах-Али – Касимов на Оке. Победенному хану Ядыгару – Звенигород под Москвой, а братьям Сююмбике – сыновьям хана Юсуфа – город Романов на Волге, позже ставший Тутаевом. Как родного растил при себе Иван Грозный сына хана Сафы-Гирея и Сююмбике,

а из потомков отца Сююмбике – хана Юсуфа – на благодатной русской почве вырос целый дворянский род, один из самых богатых и влиятельных в России – династия Юсуповых.

Мне одному кажется, что здесь есть какая-то недосказанность, какой-то пробел в исторических трудах? Грозный царь, который, судя по учебникам, книгам и фильмам, мог уничтожать целые города, не стеснялся лично участвовать в пытках и казнях и был крайне подозрителен даже к близким друзьям и родственникам, не то что к противникам – этот серийный убийца вдруг проявляет такую невероятную милость к верхушке враждебного государства. Ну казанский хан Шах-Али понятно – он и его касимовские татары давно служили русским князьям. Но хан Ядыгар и жена бывшего хана Сююмбике, ее сын и родственники – откуда такая беспримерная забота, желание Ивана Грозного устроить им жизнь в полном достатке, почете и богатстве?

Глубокое, я бы даже сказал, любовное изучение истории России на протяжении всей сознательной жизни приводит к выводу, что она изобилует огромным количеством белых пятен. Одно и то же событие обрастает несколькими версиями, и каждая имеет под собой почву и противоречит другой. Мы знаем точные даты и места событий восстания Спартака или составления Хартии вольностей Англии, но мы не знаем точно, где были подготовлены стены, башни и церкви Свияжска, которые потом были разобраны, сплавлены вниз по Волге и собраны уже на месте. Ну что это значит «срублен в Угличских лесах в вотчине бояр Ушатых», как указано во многих исторических исследованиях? Один ученый считает, что это пригороды Углича у села Золоторучья. Другой предлагает поискать следы этого масштабного строительства у города Мышкина. А третий отсылает к княжеству Моложскому, откуда вышли бояре Ушатые, и к городку Глебову, где Волга в те давние времена начинала быть судоходной. Ничего себе! Где Углич, который был вотчиной Великих московских князей, и где Глебово с Ушатыми? Летописные сведения подобно картам диверсантов как будто созданы, чтобы запутать врага!

История словно сторонится последних лет жизни Сююмбике. *Увезена в Москву в 1551 году, насильно выдана замуж за бывшего казанского хана – вассала русского царя Шах-Али и умерла в Касимове. Могила неизвестна.* Как-то слишком мало сведений для исторической личности, женщины – правительницы Казанского ханства, изысканной красавицы, жены двух, а с Шах-Али – трех казанских ханов, героини татарского эпоса, вы не находите?! Может быть, сведения о ней нарочно утрачены, чтобы что-то скрыть? Или при ее жизни – для безопасности, а может, и потом – чтобы принизить ее роль?

О самом Иване Грозном написано книг и снято столько фильмов, что, казалось бы, уж тут-то все понятно. Но и его фигура в доступных для широкого круга источниках настолько демонизирована и упрощена, что это приводит к абсурдным парадоксам. Особо выделяется страсть Ивана IV к мучению людей, убийствам, издевательствам и надругательствам. Если описание этих зверств сложить в совокупности, то возникает ощущение, что ни на что другое времени просто не должно оставаться. Насиловал чужих жен, топил собственных, давил людей на улицах, изощренно казнил, лично пытал, пьянствовал и развращал юношей... Когда только на все это находил время уникальный человек, которому нужно было продумывать отношения с Турцией, Крымом и странами Европы. Проводить, причем эффективно, военную реформу. Составлять планы военной кампании на Волге и лично принимать в ней участие. Отдавать указания и контролировать масштабное строительство от острога в Алатыре до каменных соборов в Казани и Свияжске. Это все может делать сумасшедший маньяк, как его рисуют? Так ведь не Ивана одного. Младший брат его, Юрий, по мнению составителей исторических трудов, был «безумен, бессловесен». Сын Ивана, русский царь Федор Иоаннович – «постник и молчальник, слабый здоровьем и умом». Как сопоставить, что в годы правления этой семейки слабоумных и маньяков были основаны города Воронеж, Белгород, Самара, Саратов, Царицын (шутка ли – будущий Сталинград!), Тюмень, Сургут и т. д. Как это они сами возникли и управлялись,

если царь был занят исключительно насилием? Когда смотришь на шедевр мирового зодчества собор Василия Блаженного и сопоставляешь его дивный облик со сводным образом кровожадного до бессознательности Ивана IV, то несоответствие, несовпадение пазлов возникает само по себе. В этом месте только не подумайте, что я буду изображать Ивана Грозного гуманистом! Войны, пытки и казни сопровождали путь любого создателя империи, начиная от властелинов античности до Петра Первого и вождей XX века. Главное-то в том, что в своей жизни Ивану IV довелось принимать важнейшие решения, которые в итоге заложили основы, да просто стали актом рождения России. И ведь до принятия этих решений он наверняка сомневался, когда что-то не получалось – отчаивался, но все равно делал.

Я не могу отделаться от сопоставления событий середины XVI века с делами, происходящими в России начиная с 1999 года. Ныне действующий Президент Российской Федерации Владимир Путин, наверное, тоже в чем-то сомневался, когда принимал тяжелые решения. Ну вот получить в руководство страну, в которой каждый из субъектов понабрал себе «суверенитетов – сколько хотим», вплоть до противоречащих законов, чуть ли не собственных армий, притеснений по национальному и языковому признаку. Уверен, очень трудно было урезать непомерно раздувшиеся за 1990-е годы интересы региональных элит и привести всю нашу многообразную страну к единому праву и порядку. Где-то это удалось убеждением, а где-то только с применением жесткой силы. Ну а что было делать? Ждать, пока страна погрузится в раздор и хаос гражданских войн?

Пример возвращения Крыма в Российскую Федерацию еще ярче. Президент не мог не понимать всей ответственности трудного решения, грядущего обострения отношений на мировой арене, сложностей экономического плана. Но а что было делать в исторической перспективе? Какой еще мог быть вариант? Оставить наших бывших сограждан, отчаянно на протяжении двадцати лет стремящихся к России, на произвол судьбы? Дождаться, что базы Черноморского флота займут корабли чужих стран? Если не сравнивать нюансы и масштабы, то свершения эти по исторической значимости очень похожи на сделанное в середине века XVI. При присоединении Крыма мировая общественность ахнула: «Надо же, впервые за многие десятилетия Россия не утерлась, не бросила русских за своим рубежом, а посмела заступиться!»

Такое же впечатление на мир произвело и взятие Казани в 1552 году и последовавшие события. Русское государство впервые за сотни лет не жертва набегов с юга и востока, а победительница, распростершая свою власть за Волгу, присоединяющая казавшиеся неукротимыми Казанское, Астраханское ханства, земли Ногайской орды, Приуралье и далее. А что было делать царю Ивану? Дождаться, пока южные владыки насадят в Казани своих марионеток, которые опять повернут дело к ежегодным кровавым набегам? Оставить в плену и рабстве тысячи захваченных при этих набегам? Терпеть и дальше удушающий хомут на Волжском речном пути? И это при том, что от режима ханской Казани многие мурзы и беки со своими семьями и нукерами перешли на службу Москве и даже храбро участвовали в осаде и штурме Казани.

Во многом с вдохновением от состоявшегося возвращения Крыма в Россию у меня получилась книга о самом важном событии в истории России: присоединении Казанского края к государству, создаваемому еще дедом Ивана Грозного с центром в Москве. Именно с этого момента родилась Россия, вся сила и красота которой в многогранности населяющих ее народов. Как у родившегося в муках человека потом будут школа, институт и свадьба, так и у родившейся новой страны потом будут и Смута, и мыс Дежнева, и окно в Европу, и присоединение Украины, и революции. Но из Московского государства в Россию наша страна превратилась в 1552 году именно тут, при впадении Свияги и Казанки в великую Волгу.

Каждый из великих деятелей огненного и прорывного XVI века, будь то царь Иван Грозный или сеид Кул-Шариф, имеют важнейшее значение для истории России, потому что именно

в результате их дел, пусть и в разных векторах, начала складываться империя, наследницей которой является современная Россия. Дела каждой исторической личности, как Казанского ханства, так и противостоящей ему стороны, заслуживают более глубокого изучения, уважения и дискуссии. Их нельзя упрощать до наивных небылиц.

За юмористическим слоганом «Казань брал! Астрахань брал!» стоит не прихоть монарха – пошел и взял, что плохо лежало. Задолго до решающего 1552 года отношения Казани и Москвы переплелись так, что их объединение было predetermined географически, политически, экономически. Тысячи казанских татар на службе у московских князей, наличие целых татарских княжеств внутри русской метрополии, многочисленные ставленники Москвы на Казанском троне и теснейшие торговые связи – это все уже было. При взятии Казани в смертельной схватке сошлись не русский народ против татарского, а принципиально непримиримые соперники-личности, каждый из которых, что с одной, что с другой стороны, достойны уважения и памяти.

Если мне повезет, то читатели осият эту книгу до конца, и каждый увидит в ней что-то свое. Поэтому предупреждаю сразу. Автор этого художественного произведения испытывает нулевую толерантность к любым проявлениям национализма и розни по религиозным и этническим признакам, одинаково уважает как последователей ислама и христианства, так и атеистов, ненавидит войну и насилие в любых проявлениях. А если книга вызовет споры и желание докопаться до истины, прочитать научные труды, а лучше посетить места событий: Москву, Казань, Свияжск, Углич – то это будет достойным результатом. Значит, не зря я засел за компьютер холодным московским вечером в апреле 2018 года.

*Сергей Соколов
Москва, 2018 г.*

Том I

Утро в Напрудном

Ранним летним утром, когда высоко летающие ласточки в бесцветном небе обещали знойный день, Александр Иванович Молога с приятным кряхтением распрямил спину, поставил одну ногу на широкую дубовую колоду и начал раскуривать короткую трубку. Наваленная кучка колотых четвертушками дров свидетельствовала о том, что мастер встал до рассвета. С годами по утрам хочется спать все меньше, уж слишком быстро начинает бежать жизнь. А без дела Мологу никто и никогда не видел. В редкие, свободные от службы дни он все время что-то делал: чертил на досках березовыми угольками, что-то измерял заграничными циркулями, выпиливал, строгал или вытачивал деревянные детали. Для этого к главному дому с каменным подклетом была пристроена длинная мастерская, а к мастерской еще избушка, в которой для большой работы селились подмастерья. Но в основном жизнь Александра Ивановича протекала на постройке церквей, теремов, изб для служилого люда и других деревянных сооружений, то есть согласно призванию зодчего.

Утреннюю тишину нарушил скрип телеги, негромкое пересыпание молодых голосов, прыски девичьего смеха. Это сельские ребята шли с сенокоса. Что-то хлопнуло на мельнице, колесо которой крутилось водами чистой речки, обрамленной камышами и осокой. Раздался бас мельника, ярко объяснявшего кому-то из нерадивых работников его место и личные качества, и легкий ветерок доносил сочные многоэтажные фразы. На звоннице Трифоновской церкви осторожно прозвенел колокол, потом еще. Напрудная слобода просыпалась и приходила в движение.

С намерением разбудить внука и заставить его складывать дрова в поленницу Александр Иванович притушил трубку, вытряхнул остатки табака и пепла и начал подниматься к двери в дом. Дробный топот копыт за воротами заставил его замедлить и обернуться.

– Иваныч, доброго утра! Отворяйте, тверичи! – раздался задиристый звонкий голос с улицы. «Ваську, племянника, с утра принесло», – подумал Молога.

– Василий, за каким лядом приехал? – для виду строго спросил мастер и двинулся к воротам. Опережая деда, перепрыгивая порог и ступеньки, с крыльца слетел и помчался к калитке мальчишка лет двенадцати, в длинной рубахе, без подштанников и босиком.

– Дядя Вася, открываю! Заводи Марусю! – крикнул мальчик, ловко отщелкивая засов и, придав всем своим щуплым тельцем веса, распахивая тяжелую створку.

– Марусечка! – Мальчик погладил по морде и принял под уздцы кобылу песчаного цвета.

– Сергуля, здоров! Из колодца воды не давай Маруське, простынет! Из бочки тепленькой... Здоров, дядя Саша! – Всадник с большей, чем полагалось его возрасту и фигуре, важностью спустился с лошади и протянул руку Мологе.

– Здравствуй, Вася! Ты что павой вырядился? Кафтан на тебе не то литовский, не то фряжский. Проходи в дом! – скомандовал мастер.

А Вася и правда был одет с иголки, роскоши к кафтану цвета темной черешни и новеньким мягоньким сапогам добавляла широкая сабля в ножнах с почти незаметным изгибом. Ну то есть из таких клинков, которые уже и не меч, но и не сабля в татарском или турецком понимании. Расшитая перевязь, широкий серебряный пояс, за который был заткнут вишневый же клубочок, – в общем, все у молодца было нарядно и ново.

– А вот так, дядя Саша, дивись, какая форма теперь у нашего полка! – сказал Васька, усаживаясь на скамью в светлой горнице. – Это ж как продумали воеводы! Чтобы каждый полк таким цветом, каким потом удобно поле боя различать и руководить. Какой, значит, полк для

атаки, какой осадный, какие правой – левой руки. Взглянет государь из ставки, и все ему видно, куда кого направить, все по своим цветам!

– Дивлюсь, дивлюсь на тебя, Васька! Ростом вымахал, а умом еще не вырос. Какое сукно для полка твоего поставили, из такого и пошили кафтаны. Другого, знать, в этот раз не было. – Лидия, давай на стол! – скомандовал Молога, усаживаясь в свое кресло в торце стола.

Из бокового низенького проема, откинув полог, появилась женщина лет двадцати восьми, с коком черных волос и фигурой, свойственной и характерно украшающей многих женщин юго-западных окраин Руси. То есть с крупным бюстом, тонкой талией и внятными бедрами. Она сунула Василию корытце с водой и рушничок. Вася быстро обмакнул в воду широкие ладони и наспех вытер, не только не сказав спасибо, но даже не взглянув на Лидию. А если бы и сказал, она не смогла бы ему ничего ответить. Лидия досталась Александру Ивановичу в качестве гонорара за работу в Вильне, куда его для работы пожаловала на два года государыня Елена Глинская. Казаки лихо прошлись тогда по землям литовским, побили народ, пожгли дома, церкви и башни, наворачивая к которым отстраивали потом Молога и такие, как он, мастера. А Лидия после ухода донской вольницы осталась одна из немногих живой и здоровой, но с урезанным языком. Впрочем, как домашняя прислуга Мологу она вполне устраивала, так как обеспечивала его и Сергулю чистыми рубахами и едой, которую умела вкусно приготовить из того, что на тот момент есть.

– Ну насчет кафтанов ладно, пропущу! – проворчал Васька, набивая рот кровяной колбасой и запивая квасом. – А вот пищали теперь – это главная сила. И вообще огневой бой – это основное. Государь наш молодой, да умом велик. Из лучших бойцов приборы стрелецкие повелел составить, ну отряды, значит. И лучших из лучших при себе, в Белом городе, держать решил.

– Ты из лучших, значит? – переспросил Молога.

– А то как?! – поняв подвох и придав насколько возможно хитрое выражение своим открытым голубым глазам, продолжал Васька. – Это и в других землях такой уклад завели, а наш государь не хуже. И при английском, и при французском королях, сказывают, пищальники состоят. Да только у них для охраны государя, а у нас-то все поболее: в каждом городе теперь будут полки стрелецкие.

– Мушкетеры у них, Васька! С мушкетами они. Ну это что твоя пищаль, тут ты прав. Ладно, чего приехал, скажи, пока все секреты государевы не выболтал?

– Собирайся, дядя Саша! На совет к дьяку повезу тебя. За воротами два бойца моих и конь запасный.

– Когда совет?

– В полдень, дядя Саша, – сказал Васька уже серьезно, стряхнув с себя крошки и вытерев рукавом губы.

– Знаешь что, Вася. Какой-то холодок у меня от фраз таких: «Отвезу тебя!» Не за что меня еще под светлые очи отвозить. Ты поезжай, а я к полудню и сам дойду.

– Как знаешь, – ответил Василий. – Только не протяни. Большой совет будет, всех зодчих дел мастеров собирают, что на Москве сейчас.

– Буду, буду. Давай.

Вася бодро вышел на воздух, сбежал с крыльца, потрепал по вихрам Сергулю, кормившего морковкой Марусю, и вскочил в седло. Подняв за собой дорожную пыль, всадники двинулись рысью по направлению к Ярославскому тракту.

– Сергуля! Руки мыл? Подкрепись поди, оденься. В Кремль идем сегодня, – отдал поручение Александр Иванович.

– В Кремль идем! Идем! – радостно подхватил мальчишка и помчался собираться. Через короткое время дед и внук, одетые почти празднично, спорой, но мерной походкой шли по старой Переяславской дороге навстречу уже высоко стоящему в небе солнцу.

Дорога к Кремлю

Для Сергули было прямо подарком идти с дедом, а не оставаться с молчуньей Лидой на хозяйстве. Пришлось бы рубить на мелкий хворост упавшую накануне яблоню, вытаскивать из досок и выпрямлять старые гвозди. Дед больше всего не любил в людях безделья, поэтому внуку всегда доставалось много заданий, подчас очень скучных. А еще мог бы прийти поп из Трифоновской церкви, и пришлось бы засесть за правописание, потом за арифметику... В общем, сердце мальчика весело стучало, заставляя прыгать через кочки и камушки и задавать деду всякие вопросы.

– Дедуля, а вот мы далеко живем от Москвы, за лесом. Куда лучше тем, кто ближе живет, да? Веселее на Москве-то, да?

– Веселье не главное в жизни. Что тебе веселье? На Христово воскресенье и так в Москву ходишь, на ярмарку по осени тоже. Чего еще?

– Так тут торг вокруг, каждый день что-то новенькое. То на Красной площади засекут кого или голову срубят – все местные глазеют. А мальчишки, ровня моя, уже многие приторговывают, кто пирожки-калачи продает, кто побрякушки всякие. Всегда деньги имеют. А не сидят взаперти...

– Эх, внучок! Легкие деньги они быстрые, причем и в обратную сторону. Легко пришли – быстро уйдут. Да и не торгаши мы с тобой, у нас мастерство в роду. И случайных людей на Москве много стало, залетных. Легкой жизни ищут под царским боком. И просто много, весь посад забит новгородскими, псковскими, окраинцами с Дона, болгарцами с Камы, другими инородцами. Мусорно стало, душно. На Мясницкой от лавок тесно, отходами целое озеро запоганили, вонь и мухи. Вдоль Неглинной столько мылен да кузней, что уж и не река под Кремлем, а канава сточная. А пожары! От тесноты-то да по глупости Москва горит чуть не через лето. Дом занялся, потом соседние, и пошло. Не-ет, в Напрудном куда вольнее и спокойнее. – В своем повествовании Молога умолчал, что сам с семейством перебрался в Москву из Тверского княжества всего-то лет 20 назад – на постройку Китайгородской стены, да так и остался. И село Напрудное выбрал не сам, а просто указали ему место в слободе, там он и осел.

– А вот еще на Москве веселье – идут конные напуском по улице, галопом, а ребята вперед перед ними выбегают, и кто сколько пробежит. Главное свернуть вовремя, чтоб не снесли.

– Ты где этих глупостей набрался?! Прекрати болтать, Сергей! Потерял я уже мать твою и бабушку, хватит с меня. – Переход на полное имя означал, что дед не шутит. Сергеем мальчика называли, когда он загулялся с мальчишками и не выполнил дедовы поручения, ничего хорошего это не сулило.

– Дедуля, а мы купим седня че-нить? – сказал Сергуля и примолк. Он уже знал, что настроение деда переменчиво и важно, каким оно будет при выходе из-за Кремлевской стены.

– Что-нибудь точно получишь, – ответил дед.

За разговорами они подошли к скромным воротам Сретенского монастыря. Молога был не слишком набожным человеком. Как мы уже увидели, он даже курил, что в те времена было не принято и церковью никогда не одобрялось. Закурил в Литве, так и пошло, потом все вокруг уже рукой махнули. А в деревянную церковь Сретенского монастыря он заходил по привычке, потому что сам ее задумывал и строил. Когда по приказу государыни Елены Глинской обносили Китай-город новой кирпичной стеной, было решено перенести старый Сретенский монастырь. Та самая обитель, где встречали воинов после битв с ордынцами, где молились Владимирской иконе о спасении от войск Тамерлана, раньше располагалась между рядами Китай-города и устьем Яузы и лишь по необходимости была перенесена на новое свободное место в конце улицы Лубянка. А название монастыря сохранилось и продолжало соответствовать положению. На старом месте он встречал двигающихся по Солянке из Орды, на новом месте

– входящих с севера, из Троице-Сергиевой лавры, из Ярославля, обозы с речных волоков. В общем, «сретенка – встретенка» была Мологе по душе. Перекрестившись и отбив поклоны, наши путники вошли на монастырский двор и направились к деревянной церкви, что названа была в честь Марии Египетской.

В церкви пахло свежим деревом, ритуальными маслами и теплым воском. Мастера, который только что успел незаметно положить в шелку для пожертвований мечевую копейку, сразу заметил высокий священник в черной рясе. По статности и красоте нагрудного креста было понятно, что в иерархии он занимает место не ниже епископа.

– Приветствую тебя, Александр Иванович! – Священник направился к мастеру, радушно улыбаясь сквозь черную с проседью бороду и пышные усы.

– Благослови, батюшка! – Молога сложил ладони одна в другую и немного склонился. То же, глядя на деда, сделал и Сергуля.

– Бог благословит! – дважды произнес батюшка, перекрестил головы и подал руку для целования. Прикоснувшись к руке игумена, Сергуля засмутился и вообще постарался стать незаметнее.

– Что, мастер, не сидится на месте? Или для служения пришел? – лукаво и по-доброму пробасил священник. – Работы тебе и ватаге твоей плотницкой у меня непочатый край.

– Я всегда рад поработать у тебя в обители, отец Владимир. Светлое место у тебя тут. Да по срочному делу, в приказ вызван. Видно, боярину ближнему новые хоромы нужны, терем или дворец потешный. Так что потом тебе службу сослужу.

– Не так все просто, Александр Иванович! Пустословием держать тебя не буду, грех, да и спешишь. Знай только, время беспокойное наступает. Государь-батюшка дело задумал великое, труднейшее. Не для потехи позвали тебя, да и остальных. Служивых собирают для похода далекого. Помолись-ка с внучком у Владимирской иконы, вот тут. Как вырос-то, помощник дедов! – Игумен потрепал Сергулю по макушке. – Возьми-ка вон там свечку да поставь у иконы!

Мальчик в нерешительности замешкался у ящика со свечами разного размера.

– Ты бери всегда маленькую, давай-ка и я с тобой! – ободрил его священник. – А чтобы Богу и Богородице виднее было, поставь к иконе поближе, вот так! Поди-ка сюда, сынок, наклони голову! – Сергуля послушался.

– Вот тебе на шею образ Сергия Радонежского, из лавры вчера привезли. Знаешь, кто это? Носи, не снимай.

– Мой святой, спасибо большое, – проговорил тихо Сергуля. Нательный образок был и впрямь удивительный. Во-первых, несколько больше обычного, для подростка великоват, во-вторых, лик святого был намного точнее канонического, Сергей был на нем как живой.

– Благодарю, отец Владимир. Пора нам. Управимся с государевым делом – в твоей обители, может, и каменные храмы поставит доведется, – сказал Молога, коротко кивнул и повлек за собой внука к выходу.

– Благословит предстоятель – доведется, – ответил игумен и, прошептав тихо: «Благослови вас Господь», перекрестил удаляющиеся фигуры.

Дед и внук прошли мимо пышных палисадников Лубянки, оставили по правую руку дымящий пушечный двор, преодолели мостовую Никольской, застроенной боярскими палатами, пересекли по деревянному мосту ров и вошли в Никольские ворота. Не успел колокол отбить полдень, как Александр Иванович занял свое место на скамье среди зодчих мастеров в палате у дьяка Разрядного приказа Ивана Григорьевича Выродкова. Сергуле же было наказано никуда не отлучаться с Ивановской площади, где он и болтался до дедова возвращения.

Белая палата

На мурзу Рашида, бывшего послом Казанского царства при дворе Московского великого князя, было жалко смотреть. В Белой палате ханского дворца собрался диван – верховный совет знати средневековой Казани. На четырех топчанах, обшитых кремовым шелком и серебряными нитями, полусидели карачи – главы четырех знатнейших родов, фактические сопровитители хана. На широких скамьях, расставленных чуть далее полукругом, разместились эмиры – основные владельцы земель и угодий, турецкий паша – представитель султана и ногайский хан Юсуф – дедушка нынешнего Казанского хана. Вдоль стен сидели на полу по-восточному мурзы, беки, чувашские и черемисские князья. Все присутствующие так или иначе были обращены лицами к роскошному топчану, примыкающему к главной стене палаты, богато украшенной резьбой по камню: шамаили – изречениями из Корана и характерными для Казани тюльпанами. На этом ложе, являвшемся композиционным центром Белой палаты, в окружении мягких игрушек, вертелся двухлетний мальчик – казанский хан Утямыш-Гирей. За ним с царственной осанкой, скрестив опущенные перед собой руки в замысловатых браслетах, стояла Сююмбике, вдова умершего недавно хана Сафа-Гирея, мать маленького Утямыша. По краям царского места стояли четыре широкоплечих стража, каждый из них держал правую руку на эфесе сабли.

Посол Рашид был и без того невысокого роста, а стоя на коленях в центре залы, озираясь на присутствующих с видом побитой собаки, он был воплощением ничтожества. Вопросы начал задавать карачи Булат Ширин, пожилой и властный татарин в темно-синем халате и белом тюрбане, с благородно обрамленным совершенной седой бородой лицом.

– Скажи, Рашид-бек, хорошо ли помнишь ты наши наставления? С чем посылала тебя Казанская земля к московскому князю? Мы посвятили тебя в наши планы, а ты все испортил. Великий Сафа-Гирей оставил этот мир пять полных лун тому назад, оставив нам своего наследника. Наша обязанность позаботиться, чтобы он правил в мире, чтобы земля наша процветала. Обернись, посмотри на этого мальчика, всем нам в глаза посмотри! Ты хочешь войны? Ты не смог объяснить людям молодого князя, что сейчас война не нужна? Или ты не счел нужным это объяснять? – Ширин явно говорил не с несчастным Рашидом, он своими величавыми вопросами работал на всех присутствующих.

– Сиятельный Булат Ширин, позволь прервать твою яркую речь! – поднялся высокий эмир Акрам, с уверенной улыбкой на лице закаленного воина. – Давай послушаем посла, пусть расскажет о своих делах сам, пока он здесь, а не в зиндане. Дай ему ответить на твои важные вопросы, сиятельный карачи!

После минутной паузы посол заговорил:

– Послание великого хана Утямыша, составленное тобой, сиятельный карачи Ширин, было со мной постоянно. Много дней искал я встречи с духовным главой московским. Предлагал через верных людей золото – все напрасно. Не берет теперь главный духовник русский денег! А с молодым князем Иваном все время ходит поп Сильвестр и еще трое князей чуть старше возрастом. Никого не допускают до самого, и сами знают только со своими. И тоже ни серебра, ни мехов не берут, ни камней. Сколько ни пробовал...

Потом на наше подворье пришли нукеры князя, числом до сотни, стрельцами их зовут. Велели собраться и с ними ехать. Всем посольством. Ехали почти день до села Воробьева. Там в тереме к князю меня и впустили. С поклоном передал грамоту, начал речь, но не послушал никто. Князь Иван отдал грамоту своему князю Адашу, а тот надорвал ее до половины и бросил. Еще Иван сказал такие слова: «Не жалуется меня, убогого, великий хан своим вниманием, а я уж палаты ему в Кремле освободил. Видишь, в избушку съехал! Придется Ивашке самому в Казань на поклон приехать. Ждите, недолго ждать».

Посол Рашид мог еще долго рассказывать, как не пустили его с посольством обратно в Москву, как сопровождали, фактически гнали конвоем до самой Коломны, но голоса его уже никто не слышал.

– Понятны слова Ивана – Москва нас за улус уже считает! За удел! Разговаривать даже не хочет! – горячился эмир Акрам.

– А ты воевать собрался? Интересно, с каким войском? – поднялся с места Ширин.

– Крымцев надо звать! И Москву с ними жечь! – криком вступил в дискуссию еще один эмир. – Ногайцев звать!

– Мало сам ободрал людей? Хочешь их под голодных крымцев отдать? – противостояли другие спорщики. Неизвестно, дошло ли бы дело до рукопашной схватки – спор уже выходил за рамки приличий. Сююмбике инстинктивно обняла сына, как бы прикрывая собой, а отец ее Юсуф мигом оказался рядом и держался за рукоять кинжала.

Вдруг резко распахнулись высокие двери зала, впуская солнечный свет, при котором сразу все заиграло по-другому. В зал не вошли – вбежали около пятидесяти одинаково одетых в черные халаты молодых людей. Они ловко выстроились в шеренгу плечом к плечу, лицами к окружающим, образовав коридор. «Мюриды! Черные ангелы Кул-Шарифа», – сказал кто-то негромко, и воцарилась звенящая тишина. Медленным шагом, цокая копытами, в зал въехал всадник на высокой белой лошади. Роскошный черный халат, отороченный дорогим мехом и расшитый золотом, покрывал его до самых сапог. В одной руке всадник держал длинные четки, на запястье другой висела коротенькая нагайка. После короткого паралича все присутствующие в палате повалились на колени, положили ладони на пол и низко согнулись. Только Булат Ширин, встав со своего топчана, сделал несколько шагов навстречу, приложил левую руку к сердцу и произнес:

– Могу ли я поцеловать стремя твое, благословенный потомок Мухаммеда?

Сеид Кул-Шариф выдержал паузу, оглядел с ног до головы Ширин и обратился ко всем присутствующим таким тихим голосом, которым всегда говорили великие люди, достигшие непререкаемого авторитета:

– Всевышний даровал нам эту северную жемчужину Ислама! Нельзя позволить кресту возвыситься над ней. Нельзя позволить неверным приблизиться к могилам наших предков и святым камням. Источник чистой воды не должно осквернять нечистотами, а источник чистой веры – неверием. Аллах даст нам силы и подмогу в нужное время, и он же в нужное время дарует нам жизнь вечную. Это не молитва, ведь в зале женщина! Это слова мои для ваших голов. Заберите посла к нам в медресе, – это уже обратившись к дервишам, – он нуждается в духовной поддержке.

А ты, досточтимый Ширин, – сказал Кул-Шариф уже повернувшись и глядя карачи прямо в глаза, – ты сам теперь решаешь, достоин ты целовать стремя моего коня или недостойно целовать следы его копыт?

Развернувшись в полнейшей тишине, всадник медленно процокал к выходу, за ним вышли дервиши. Двое из них вели под руки совершенно обмякшего посла Рашида. Продолжать заседание дивана как-то не получалось, все постепенно потянулись к боковым выходам, стараясь держаться на дистанции от карачи Булата Ширин.

Совет у дьяка Выродкова и отправка на войну

Как несомненно помнит читатель, мы расстались с Иваном Мологой и Сергулей в Московском Кремле. Мастера зодчих дел, среди которых были русские, приглашенные смуглые итальянцы, светловолосые литовцы, татары казанские и даже сибирские, типа мастера Бармы, томились в ожидании дьяка. Кто-то начинал ковырять перочинным ножичком стол, кто-то дремал, некоторые переговаривались вполголоса. Приказная палата сразу ожила, когда в нее быстро вошел Иван Выродков, за ним влетел писарь. На дьяка вошедший в общем понимании был совсем не похож. Это был сорокалетний, хорошо выбритый мужчина, одетый в европейский короткий кафтан, привыкший говорить быстро и не повторять распоряжений. Волосы его были убраны в короткую косичку, на манер английского капитана.

– Говорить буду откровенно. Слушайте внимательно и спокойно. Все равно никому разболтать не сможете, потому что под охраной стрелецких команд прямо отсюда отправитесь набирать ватаги свои. Идем на войну с Казанью. Задача такая: набрать себе работных, и с этими людьми выступать. Под Казанью потребуются строить туры осадные. Лес валить будем на месте. Для каждого полка свои «гуляй-города». Прямо скажу, я против такого способа – из сырого непонятого материала сооружать. Но это указ. Рисунки срубов и подсчеты леса буду проверять на ходу. Все, с Богом!

У выхода из приказа каждого мастера поджидали служивые и так под конвоем отводили в сторону. Надо ли уточнять, что мастера Мологу поджидал стрелец Василий, который уже распознал на площади Сергулю и приспособил его к делу – нагрузил мешком с разным походным барахлом.

– Как же без инструментов? Мне циркули нужны, линейки, угли рисовальные! – рассуждал Александр Иванович с Василием по ходу к Троицким воротам, где их поджидали два десятка служивых с оседланными лошадьми.

– Дядя Саша, указ нарушать нельзя, домой ты не заедешь. Вообще никуда не отлучишься от нашего отряда. А вот мы с Сергулькой можем, да? Ты садись на коня и рысью с моими бойцами до села Медведково. А мы с твоим помощником сделаем круг, заедем в Напрудную и возьмем твои чудеса чудесные. Сергулька, прыгай сзади. Мешок петелькой к седлу, вот так. Знаешь дедовы принадлежности? Ну, трогаем.

– А в Медведково-то зачем? – с коня спросил уже Молога.

– Работников тебе набирать! Немного поворошим вотчину князя Пожарского!

– Круто-то как, – буркнул себе в бороду Молога и тронул следом за стрелецким отрядом к улице Солянке и дальше к Язуе, по берегу которой шла тропа до Медведкова.

Вечерело. За околицей села Медведкова, на правом берегу Язуы стояли четырнадцать телег, запряженных разнокалиберными лошадьми. Князю Пожарскому был дан наказ не только крестьян своих на работы отдать, но и транспорт предоставить, и хлеба в дорогу. Сам тучный князь с двумя приказчиками топтался поодаль, в разговоры со стрельцами не вступал. Вот прибыл и командир Василий со своим молодым попутчиком. Сергуля на ляжке через плечо вез драгоценный дедушкин *port-feuille*, привезенный им из Литвы. Это у них там на французский манер эта кожаная плоская сумка с двумя замками, набитая всякими чертежными инструментами и пергаментом, называется как бы «носитель листов», а Молога называл это свое сокровище «пóртфель» с ударением на «о».

Стрельцы начали выгонять из изб мужиков и баб и строить всех у Покровской церкви. Бурчание и всхлипывания пресекались ударами плетей, не сильно, но четко. Наконец, когда начало темнеть, Молога начал свой отбор. Указывал на молодого, ну хотя бы не очень старого и крепкого мужика, его сразу отводили в сторону, раздавалось бабье оханье, церковный служка

тут же записывал имя-прозвище. Таким манером было отобрано восемнадцать мужчин. Тут вперед выступил Васька:

– Всем слушать! Кто отобран для работ, идти по домам и собираться. На рассвете выходим. Собираться с семьей кто женатый: с женой и детьми. Десятник Михайлов! Деревню оцепить, чтобы бежать никто не надумал! В полночь сменить десятнику Семенову!

Александр Иванович, Сергуля и Василий расположились на ночлег в избе княжеского приказчика. Мальчику раздобыли хорошую кружку молока и кусок свежего белого хлеба, и после краткой трапезы он уже спал на широкой лавке, как говорится, «без задних ног». А Молога и Василий вышли на крыльцо. Мастер раскурил трубку, а стрелец короткими глотками пил квас из крынки. После такого шебутного дня и не спалось.

– Как справилась служба? – раздалось из темноты. На свет луны выехал верхом дьяк Выродков. Следом за ним также верхом его верный писец Степан.

– Все как по указу! Мужики отобраны, с рассветом выступаем! – отрапортовал Василий, быстро отставив квас и проверив застёжки на кафтане.

– Вопрос есть, Иван Григорьевич! Можно на ночь глядя? – подал голос мастер.

– Слушаю тебя, Александр Иваныч.

– Это на кой же ляд мне таскать по полям да весям этот обоз с бабьем и выводком? Мне же плотники нужны, а не табор!

– Не горячись, Александр Иванович, не горячись. Устали сегодня все. Да дело важное решили, такое, что на века запомнится и откликнется. Сегодня Русь впервые на восток двинулась. Понимаешь? Не восток на Русь, как столетиями было, а наоборот. Государь наш молод, но умен. И советчиков подобрал по себе, избранными их называет. Не громить Казань намечено... хотя громить тоже... Надолго обосноваться нужно на Волге, навсегда. Врасти корнями. И чтобы село Медведково в Казанском крае тоже было, с церковью православной. И монастырь Троицкий, например. И башня со Спасом в киоте. Вот для этого люди и нужны. Ну все, отдых. Я к Пожарскому заеду, Степка, за мной!

Александр Иванович и Василий еще немного постояли и посмотрели молча в звездное небо. Душна и темна была эта ночь в начале августа 1549 года.

Мы все провалили. Февраль 1550-го

В юго-восточном направлении от Казанского кремля протянулась протока Булак, связывавшая некогда реку Казанку с озером Кабан. Если смотреть от нее на озеро, то справа оно обрамлено пологими берегами, а слева начинается рельефная терраса, разрезанная оврагами на три основных холма. Топонимы Первая, Вторая и Третья гора в Казани были исконно привычными, хотя горами их можно назвать только в условиях нашей однообразно-равнинной природы.

Так вот, на бровке третьего от Казанской крепости холма, буквально в двух верстах от ханского дворца, стоял молодой великий московский князь Иван IV. Зарево пожара, бушевавшего в районе Булака, отблескивало в кольчуге исключительно тонкой работы, поддетой царем под светло-серый полушубок, и в его больших, полных почти детскими слезами глазах. Когтистая лапа обиды душила молодого человека, и выхода этим удушающе-колючим чувствам он не давал, только чтобы не выглядеть смешным. Быть смешным для него было страшнее, чем быть больным или тяжелораненым.

«Потомок Рюрика и Византийских монархов! Тебе снова плюнули в лицо! На смех всему миру и своим московским боярам-псам... Потрачен целый год подготовки, положено столько сил! Кто ты, Иван?! Ивашка! Начитался по-гречески. Кем возомнил себя? Ахиллом? Одиссеем? Ничтожный, несчастный царек захудалого вонючего ледяного волчьего угла на карте мироздания!» – такие мысли роились в голове Ивана. Хотелось ткнуться лицом в плечо кого-нибудь старшего и просто порыдать, чтобы пожалели. Но одиночество, вечное одиночество, сопутствующее безраздельной власти... Он вышел, он не мог уже находиться в главном шатре ставки, над которым развевался стяг с образом Спаса Нерукотворного. В ходе военного совета, проходившего в шатре, стало уже совсем очевидно – Казань опять устояла, а русские войска потерпели неудачу.

11 дней уже царь лично руководил осадой Казани, но из достижений был только устроенный пожар в районе кожевенных мастерских да разгром купеческих домов и лавок на площади Ташаяк, прямо у крепостных стен. Казанцы ловко уходили от больших схваток, при этом могли устроить внезапно непроходимую оборону любого дома в городе, положить около него десяток русских бойцов, а потом поджечь его и моментально отступить.

Иван сделал усилие, тяжело проглотил, всхлипами втянул горелый воздух и вернулся в шатер. Все учтиво поклонились вошедшему государю. После того как царь опустился в свое кресло, князь Воротынский продолжил расспрашивать двоих гонцов, вернувшихся с объезда.

– Где, толкуйте точно, расположился Епанча? – Перед воеводами лежал план местности.

– Вот здесь, господине. На краю Арского поля, до начала склона к Казанке. С Высокогорской стороны засека у них, невысокая, правда, засека. По центру кругом обоз поставили. Лучников по два десятка тут, здесь и тут. – Гонец-разведчик толково показывал концом малюсенького ножичка, где и как расположен противник.

– Что же они обозом встали? В крепость не дошли? Думали, не видим их? – подал голос стольник Курбский.

– Епанча, Епанча... – проговорил Иван. – Третий раз за день слышу про Епанчу. Кто это?

– Государь! Епанча этот мурза, не из самых знатных. Но лихой и дерзкий. То покажется с двумя сотнями в одном конце, то с тысячной конницей в другом. Налетит, авангарды порубит – и тикает! – ответил с почтением Воротынский.

– Взять Епанчу! Привести живым мне! Слышишь, Михаил Федорыч! Выполняй! – сорвался голосом Иван и сам осекся. Понял, как несолидно выглядит.

– Дозволь слово, отец?! – встрял Петр Шереметев. – Не самая главная фигура сейчас Епанча. Карача Ширин всю силу нашу сковал, до 30 тысяч у него по моим подсчетам, кого тут пошлешь Епанчу ловить?

– Курбский! Серебряный, Петя! Слышите ли вы?! Взять, взять, сейчас! – Молодого царя уже трясло, и лицо его стало серым, а глаза страшными. Князь Петр Серебряный налил в глиняную чарку немного воды и с поклоном поднес Ивану. Но остановить приступ уже было невозможно. Направив взгляд куда-то сквозь присутствующих, не смотря, он что есть силы схватил чарку. Сосуд тут же треснул на осколки, и кровь Рюриковичей вместе с водой обильно окрасила рукав, порты и половики.

– Твою ж мать! – тихо сказал Серебряный. – До Арского поля версты две, так? Кто у нас ближе всех? – глянул он на Воротынского.

– Полторы версты... да это же безумие, причем бесполезное... – тихо проговорил воевода, но тут же как-то собрался. – Под боком у нас только стрельцы воеводы Микулинского и сотни две конницы Шигалея...

– Седлать мне! Я сам поведу Микулинский полк! – очнулся от забытья царь. – Курбский со мной!

Примерно через час царь в сопровождении Андрея Курбского поднялся на деревянный помост, который был наспех сколочен плотниками мастера Мологи из подручного кругляка и досок. Сам мастер едва успел проверить крепление перилец и ступенек, как был отодвинут царской охраной – сотня отборных воинов окружила помост на краю леса, после которого как на ладони было Арское поле. Воткнув бердыши в землю и оперев на них пищали, стрельцы образовали позицию по бровке длинного оврага. Из-за засеки полетели некучно стрелы, по большинству не долетая до двойного строя стрельцов. Но двоих достали, на их место встали другие. Сотник махнул рукой, и рявкнул залп. Впервые в истории эти места услышали раскаты огнестрельного оружия. Плотный белесый дым, на несколько мгновений окутавший стрельцов, начало сносить ветерком. Тем временем к ряду бердышей подступила вторая шеренга стрельцов. Залп, дыма стало еще больше, и царю со свитой сложно было уже видеть происходящее. Шевелений в обстрелянной засеке и в обозе не виделось. Конный отряд касимовских татар, сабель в 50, двинулся к засеке. За ними споро шагали, почти бежали по грязному подтаявшему снегу микулинские бойцы. По тому, как скоро обоз был облеплен спешившимися касимовцами и подоспевшими стрельцами, было понятно, что сопротивления существенно никто не оказал. Началась какая-то возня, донеслись обрывочные возгласы, и даже с удаленной от места событий опушки было видно, что обоз не пустой. Курбский подозвал стоящего рядом конного из детей боярских и наказал сгонять и доложить, что там.

Вдруг Ивану показалось, что помост под ногами забило мелкой дрожью, да и не только ему. Понимание источника этого биения пришло в одно мгновение со следующей сценой: как будто из-под земли, на хорошем разгоне прямо на копошащихся в обозе выкатывала лава всадников с саблями наголо. Числом их было не более трехсот. Одинаково пригнувшиеся к лукам своих седел, они не издавали никакого звука, снег-квашня почти гасил топот копыт. Не все стрельцы успели даже понять, откуда их настигла смерть. Между тем рубка была страшно искусной. Нападавшие били отточенными, верными ударами каждого только один раз. Тем, кто только успевал обернуться, сносили головы. Касимовцы и стрельцы поопытнее, успевшие поднять над головой оружие, ожидая принять удар сверху, получали саблей по горлу или подбородку снизу по косою. Клинки порхали в руках наездников невероятными синусоидами, и встретиться с ними саблей в саблю было невозможно. Даже успевший вскочить в седло касимовец, явно не робкий, не встретил своей саблей противника. Нападавший на скаку уклонился от взмаха, и, уже почти разъехавшись, как бы играючи, описал саблей дугу позади себя. Касимовец уронил голову на грудь и через несколько шагов свалился с коня с разрезанной шеей.

Ускоряя галоп, всадники как по команде, с наклоном ушли вправо вниз по расщелине в сторону Казанки.

– Это и был Епанча, государь, – вышел первым из оцепенения Андрей Курбский.

– Я хочу их увидеть. Коня! – скомандовал на удивление бодрым голосом Иван. В окружении охраны вместе с Курбским царь подъехал к месту гибели. Но долго всматриваться в куски еще только что живых и вполне здоровых людей не пришлось. Лежащие вперемешку раздробленные головы, разрубленные торсы и отсеченные руки микулинских стрельцов и татар хана Шах-али, который на Москве откликнулся и на Шигалея, заметала поземка. Поднялся сильнейший северный ветер, и явно похолодало. Подтаявший снег покрывался коркой и переставал липнуть.

– Всех похоронить по-христиански, когда станет возможно, поставить часовню! – сказал Иван как бы в никуда, но тот, кому было положено из свиты, эту команду услышал и быстро закивал головой.

День завершился невесело. Ужинать вместе со своей «избранной радой» Иван не пожелал, уединился в походной церкви. Стоя на коленях у образа святого Георгия, царь думал. Умом он понимал, что этот, четвертый за двадцать с небольшим лет, поход русского войска против Казани опять закончился неудачей. Но принять это поражение не мог. Он Богом избран для величия Руси. Он должен сделать больше, чем его дед Иван.

Казанские татары сильнее? Нет. Умнее? Нет, скорее, изворотливее, проворнее. Сложный, ох, какой сложный этот край, где Волга с Камой сходятся. Тут не выйдешь, как рыцарь, лоб в лоб на поединок. Военачальник карача Ширин силен, да и на сражение прямое не выходит, еще этот Епанча круги наматывает. Чуваши, марийцы и черемисы вроде как за маленького хана, но вроде как и за себя. Ногайцы свою политику гнут: могут дать хану войска, а подумают – и не дадут. Крымцы сильны, это главная опасность. И интерес у них тут на Волге кровный. Зайдут с юга, пока мы Казань осаждаем, или не зайдут?

– Вразуми, господи Иисусе! Дай ключик к этому делу!

Но Иисус, Дева Мария и Георгий Победоносец пока молчали, глядя мудро на молодого государя с походного иконостаса.

Ночная встреча

С мыслями своими тяжелыми Иван забрался на высокое кресло-лежанку и так, полусидя, задремал. Тусклым источником света в шатровой спальне его была лишь лампада. Вдруг раздался осторожный голос постельничего Игнатия Вешнякова:

– Батюшка государь, чаю, не спишь, родненький?

– Чего тебе, друг милый? Зайди и говори!

– Прости за беспокойство. Ближняя застава задержала казаночку, которая непонятно как прошла все посты. С поклоном обращается, говорит по-русски хорошо. Слово к царю, говорит, имею. Чо бывает за такое слово, если пустым окажется, разьяснили. Обыскана, безоружна. Чо с ней делать, поряди, батюшка?!

– Казаночка... Пусти сюда.

Через несколько мгновений в комнату вошли два стража, за ними девушка лет двадцати, за ними еще два стража и Игнатий. Круглолицая гостья, больше похожая на донскую казачку, чем на дочь ханской Казани, обладала умными черными глазами. Волосы ее были забраны в одну толстую косу, переплетенную золотыми нитями. Из-под длинных рукавов синего платья, совершенно не дававшего представления о фигуре, были немного видны полненькие пальчики. Девушка явно нервничала, поэтому говорила старательно четко и даже немного заносчиво.

– Слово к тебе имею от царицы моей, царь Иоанн!

– А ты смелая, раз пришла сюда и рот раскрыла. Тебе сказали, что бывает с теми, чье слово пустым окажется? Живой в землю закапывают, – негромко проговорил Иван.

– О твоей смелости также наслышаны в землях наших, великий царь. Оставь меня с собой наедине, без людей твоих!

– Вон подите, – сказал Иван, уже с интересом глядя на татарку. Когда все вышли за полог, он выждал и повторил: – Все вон! Говори, казаночка. Как зовут тебя? Что расскажешь страннику, чем развлечешь?

– Зовут меня Динария. Что может рассказать простая девушка великому господину? Честь мне оказана пригласить тебя к царице моей! Она расскажет.

– Кто царица твоя и когда ждет убогого Ивашку? – сказал Иван по привычке с иронией и тут же понял, что теперь такое излишне.

– Сейчас, государь. Только сейчас ждет тебя Сююмбике.

– А что же раньше, засветло тебя не прислала царица? Я бы к ней нарядным выездом пожаловал?

– Раньше было рано, а потом будет поздно. Решайся, государь.

В жизни каждого мужчины бывают такие моменты, когда доводится совершить полное безрассудство с упованием только на везение. Совершишь и думаешь потом: первое – как хватило мозгов так собой рисковать? Второе – как так повезло, что, несмотря на предельную опасность, остался цел? И тем не менее мужчины обычно на такие авантюры идут, кто-то раз в жизни, кто-то не раз. Иначе, наверное, остановился бы ход развития человечества, и жизнь была бы пресной. Наступил такой момент безрассудства и у Ивана.

– Игнатий! – прокричал он. Постельничий тут же вбежал, видно, недалеко он выходил вон. – Одеваться! И Дине одежду отдай. И сам облакайся. Гулять идем!

– Батюшки! Государь, ты, что за дверью-то творится, видал? Пурга такая, что следов уже через мгновение нету. И морозненько! Куда в ночь-то?

– Вешняков, ты замолчишь сам или сразу язык вырвать? Лучше сразу, думаю, чтобы не болтал! – Постельничий виновато заулыбался, вроде что понял царскую шутку, но с этого момента не произнес ни звука и язык берег.

Вскоре с тыльной стороны царского шатра отодвинулся совершенно незаметный полог, и на ночной мороз вышли три фигуры, среди которых царская выделялась осанкой и ростом. Дремавший в закрытых санях царский возница всегда был готов к выезду, лошади были оседланы и менялись три раза в день, даже если царь никуда не ехал.

– Двигай по дороге к озеру, – сказал царь вознице, и тот тронул. Проехав одну за другой три заставы, кони вынесли санный возок на ледяной простор озера Кабан и остановились. К саням русского царя приблизился другой санный экипаж, запряженный четверкой лошадей, масть которых в темноте и пурге было не разглядеть.

– На рассвете быть тут с десятком рынд! – приказал Иван, вместе с Динарией пересел в чужие сани и скрылся в снежной ночи.

Сани ходко шли по ровному льду, внутри было тепло. Предусмотрена была даже печечка, которая делала нехолодными сиденья и отдавала тепло ногам путников. Динария молчала, опустив глаза. Иван про себя рассуждал. Еще утром собственная персона и жизнь казались ему ничемными. Наверное, даже если бы прекратилась жизнь в этот момент отчаяния, капризного приступа, он бы не пожалел. Как совсем не пожалел он тех стрельцов Микулинского полка, которые сейчас порубленные лежат и стынут на Арском поле. Если бы не его повеление, они сейчас в землянках да вокруг костров бы дремали, живые. А вот сейчас настроение переменялось, и жизнь его, великого государя, была важнейшей ценностью. И земля Российская, Богом данная ему в правление, уже казалась ему не волчьим углом, а благословенной державой, которую он будет лелеять, защищать и преумножать. Будет, если жизнь его не прервется в следующее мгновение. Нет, нужны все-таки авантюрные опасности, чтобы жизнь приобрела вкус и ценность.

За этими мыслями царь почувствовал, как сани начинают взбираться по склону вверх. Будучи человеком образованным и имея хорошую пространственную ориентацию, Иван догадался, что по продолговатому озеру Кабан они поехали влево и поднялись на холмы, не занятые ничьими войсками. Ну просто потому, что поехать вправо, в сторону Казани, где бушует пожар и передвигаются отряды Камая и Епанчи, они не могли. Сани остановились, путники вышли, и Динария изысканным жестом пригласила Ивана пройти в огромный шатер, сложенный по принципу среднеазиатской юрты.

Внутри все было устлано коврами, преимущественно красных и золотых тонов. На стенах плотно были развешаны шкурки лис и енотов, причем подобраны были они волной с переходом от почти черных к серым до почти белых и обратно. Четыре литых 12-рожковых светильника заливали пространство теплым, слегка плывущим светом. На низком круглом столе стояло несколько матовых графинов, чарок и огромное блюдо с ягодами и фруктами, так не сочетавшимися с бушевавшей за пологом зимой. Дальнюю от входа сторону занимало огромное, крытое шкурами ложе. Центральную часть помещения занимал очаг странной формы, колонной возвышающийся под верх шатра.

– Всем сердцем рада видеть тебя, Иван! – тепло произнесла Сююмбике. – Ты пришел, настоящий...

Они встретились изучающими взглядами, возникла пауза. Иван скользил глазами по лицу и фигуре женщины, понимая, что он пока не постигает ее образа. Что, в общем, объяснимо. Чтобы почувствовать красоту Сююмбике, нужно было сразу настроиться на восприятие другой породы человека. Она была безусловным воплощением Востока, всего прекрасноазиатского, тонкого, как самый искусный завиток в декоре самаркандских мечетей. У Сююмбике было характерно вытянутое овальное лицо. Большие черные глаза, обрамленные тонкими черными линиями бровей, были похожи на полумесяцы, потому не только верхние, но и нижние веки имели легкий изгиб вверх. Полные чувственные губы чуть выдавались вперед, ровно настолько, чтобы быть прекрасными. Благородный носик имел изгиб, но до той грани, которую можно назвать горбинкой. Длинная и тонкая шея была чуть наклонена вперед, отчего созда-

валось впечатление постоянного внимания к собеседнику. Волосы были собраны на затылке в замысловатую форму и заколоты крупными, на манер китайских, спицами. Темно-зеленое платье очерчивало изящную, почти подростковую фигуру. Из украшений на Сююмбике была только ниточка золотого браслета на правой руке, длинные замысловатые серьги и золотое кольцо без камня на среднем пальце, что резко отличало ее от привычного облика мусульманских женщин, украшавших себя в старину максимальным количеством золотых бус, браслетов и колец. Отличали Сююмбике и манеры. При радикально восточном облике она держалась по-европейски естественно, обладала ясной русской речью без лишних чопорных оборотов.

Сделав несколько легких шагов, она приблизилась ко все еще молчащему, не понимающему, как себя вести, Ивану.

– Позволь принять твою одежду, государь! – проговорила она, и тяжелая царская шуба соскользнула в ее изящные ручки. – Сделай милость, садись со мной на ковер и не побрезгуй тем, что припасла моя служанка.

Иван опустился на ковер, подогнув под себя одну ногу. Напротив, изящно сложившись, разместились Сююмбике.

– Из южных земель Франции мне привозят удивительное белое вино, государь. Оно немного шипит и пенится, как будто разговаривает. Всего три бочонка, только для самых ценных гостей! – Сююмбике налила в высокие серебряные стаканы вино, и южный аромат разлился вокруг.

– Мы почитаем вина Греции, царица, – ответил Иван, все же принимая из рук наполненный сосуд.

– Это потому, что на Москве еще не умеют ценить тонкие вкусы Европы. Вам еще чужда нега, вы молодые дерзкие воины.

– Царица Сююмбике, ты хотела видеть меня, врага своего, который с мечом и огнем пришел в твои земли. Мне это странно! – сказал Иван и сделал два больших глотка.

– Я мать царя и вдова царя. И земли мои родные на юге за Итилью, широкие степи до Уральских гор и поселения, богатые китайским шелком. Хотя Казань мне стала родной, ведь я здесь с 12 лет.

– И все же? Ты не ответила.

– Мне предсказано, что ты покоритель. Твой портретик привез нам в Мангытский юрт посол отца твоего, Данилка. Ты там маленький совсем. Мне нагадали, что ты мой покоритель! – сказала Сююмбике и весело засмеялась.

– Ты морочишь меня, Сююмбике? Я не пойму тебя! – нахмурился Иван, чтобы скрыть неловкость.

– Я Сююк, зови меня так. Важное имя побережем для церемоний.

– Что еще нагадали тебе твои колдуны? Будущее предсказали? Казань упадет или устоит?

– Само ничего не упадет, даже грушеньку потрясти надо, чтобы грушки самые сладкие упали. Судьба ханства решена столетия назад, а кто достоин будет, тому Казань и отдастся. Ты будешь настырным – тебе достанется, кто-то другой – значит, другому! – игриво улыбалась Сююмбике. Иван и понимал, и не решался до конца понять восточную красавицу. Тут Сююмбике встала и подошла к висящему на одной из стен юрты гобелену.

– Посмотри, какая работа. По заказу покойного Сафы во Фландрии сделали. Тут все про основание Казани. Подойди, государь! – Иван встал на ноги и почувствовал приятную облачность, окутавшую голову после выпитого стакана.

– Занятная шпалера! – сказал царь. – Про эту историю я ведаю. Сказано и писано, и про котел-казан, который утопили, и про змея Зиланта. Не видал я только, чтобы магометане людские изображения на стены вешали.

– Ты много видел магометан вблизи, государь? Ты знаешь их изнутри? Говорят, что и в тебе есть кровь Чингиса, это правда?

– Будет тебе, Сююк...

– Присмотрись вот к этой собачке, Иван. Видишь, собачка убитая лежит, а хан рядом плачет... – Сююмбике показала снова на гобелен, но не успела договорить.

– Я достаточно присмотрелся, Сююк, – сказал Иван шепотом и взял красавицу за обе руки. Она посмотрела Ивану в глаза и прижалась всем телом. Он провел по лопаткам, по тонкой шее, выдернул из прически заколки, и прямо в руки ему упали длинные черные волосы.

– Я никогда не держал в руках ничего подобно нежного! – шепнул Иван, уткнувшись в волосы и вдыхая незнакомый запах благовоний. – Какие у тебя волосы... – прошептал Иван.

– Какие? – сказала она нежно и негромко.

– Необыкновенные и... тяжелые... – тут его руки осторожно, но настойчиво повернули ее голову, и две стоящие фигуры слились в одну, в жаркий, изучающий, требовательный поцелуй. Боясь нарушить чувство биения сердца красавицы, Иван осторожно повлек ее к ложу. Она совсем не сопротивлялась, но и не способствовала, когда Иван разоблачал ее, осторожно снимая мягкие разрисованные сапожки, штанишки, обнажал соски и припадал к ним губами. Царем же владели совершенно незнакомые чувства и совсем незнакомые запахи. Чужие, но манящие, притягательные запахи, сводящие с ума.

Он в свои 20 лет знал уже много женщин. Для хозяина московских городов и весей не было преград взять любую девку и даже замужнюю барыню. Со временем это стало обычным делом, как сорвать и надкусить яблоко, а если кислое – выбросить и сорвать другое. С любовью и нежностью он относился только к своей белокурой жене, светлой и чистой Настеньке. Но это было другое, это было хоть и приятно, но как-то законно и слишком правильно, почти идеально.

Сейчас, в объятиях тонких рук Сююмбике, Иван ощущал себя необыкновенно. Она ничего особенного и не делала, просто отдавалась. Но отдавалась так самозабвенно и так всецело, что каждый ее вздох или нежный стон приводил Ивана в сладкий экстаз. Руки молодого сильного мужчины скользили по нежному по-детски телу, сжимали хрупкие косточки бедер, ласкали коленки, маленькие грудки, сильно, но не до боли вцеплялись в ключицы и шею. А в голове носилась буря мыслей! Под ним была одна из красивейших женщин мира! Царица, которой обладали и которую желали многие великие владыки. И она вот, его! Иван чувствовал себя всесильным, бессмертным, мифическим божеством! И это сознание обладания переполняло сердце восторгом уже даже больше, чем само осознание обнаженной красоты, пока не переполнило и тела не содрогнулись в последних сладких судорогах.

Ночь была долгой. Они стали смелее, и взаимные проникновения стали так естественны. В коротких перерывах между объятиями Сююмбике смеялась, болтала о каких-то мелочах, засовывала Ивану в рот спелые виноградины и дольки мандаринов.

– Сююк, что ты хотела сказать про собачку? Вертится у меня в уме: Собачка. Хан плачет, – прошептал Иван.

– Да это старая сказка. Когда выбирали место для основания Казани, должны были убить первого встречного. Такие города на костях стоят вечно. Как Рим, например, на костях Рема. Попался навстречу сын хана. Его пожалели, убили и закопали собачку. Вот хан и плачет, от радости, что сын живым остался. Ерунда это все, старинные байки.

– Я должен ехать, Сююк. Скажи Дине, чтобы проводила меня.

– Я увижу тебя снова, родной?

– Конечно, я не смогу теперь тебя не видеть. Сегодня, с тобой, я понял, что значит жить! – отвечал Иван, уже натягивая сапоги.

– А когда я тебя увижу? Скажи, когда?

– Я дам знать, Сююк. – Иван наугад протянул руку к штофу, стоящему на низком столике. Запах привычного хлебного напитка ударил в нос, но именно это было ему сейчас очень нужно. Налив и в три глотка осушив чарку, Иван двинулся к выходу.

Обратный путь вместе с Динарией царь проделал в полусне. В условленном месте его поджидали сани, десяток конных бойцов и хлопочущий Игнатий в малахае. В ставке у шатра со стягами его поджидали Андрей Курбский, Петр Серебряный и Александр Горбатый.

– Команды ждем, отец родной! – глухо, со старинным поклоном, сказал грузный Горбатый. – Когда на Москву уходим?

– Мы отступаем, но мы никуда не уходим. И никогда не уйдем! – сказал царь. На душе Ивана стало как-то легко и ясно. Он вспомнил про свою жену Анастасию и понял, что скучает по ней и по Москве. Он, конечно, удалится в Москву, но он обязательно вернется и победит, теперь, этим утром, у него не было в этом сомнений. Нужно передохнуть перед дорогой и трогать. Игнатий уже стаскивал со своего господина сапоги, а Иван расправлял себе усы и гладил бороду. Руки его пахли телом Сююмбике.

Место силы

Есть на свете места, которые дают человеку возможность тоньше чувствовать, всплескивать свои эмоции, поднимать лучшее из самых глубин своей души. В таких местах приходит наполнение силой, посещают мысли сделать что-то важное для своего будущего и желания исправить сделанное не так. Постигание себя и жизненных смыслов, наполнение энергией приходит иногда в храмах, когда стоишь точно под центральной частью главного купола. Когда физически можно ощутить над собой сотни тонн строительного камня, не давящего, а мастерством архитектурного замысла раскрывающего тебя для наполнения. Стоишь в такой единственно верной точке, смотришь в невероятную высь, и льется в тебя без преград какой-то вселенский смысл, и источник этот неиссякаем. Каждый для себя такие места, наверное, определяет сам, в силу своих особенностей, и не факт, что они у разных людей совпадут. Ну вот самые центры под главкой Покрова на Нерли, под центральной главой Успенского собора в Кремле, центральная точка под огромным куполом Исаакиевского собора в Петербурге. Встань, запрокинь голову и наполняйся энергией мира и космоса.

Тут возникает вопрос: как выбирали люди прошлого эти удивительные места? Теория о том, что храм обязательно на самой высокой точке местности, критики не выдерживает. Собор Василия Блаженного как раз на склоне Красной площади, однако ж этому, а не иному, какому-нибудь «лобному» месту довелось быть средоточием людских молитв и эмоций. Глядя на этот шедевр мировой архитектуры, самый самобытный и колоритный в роскошном своем многообразии собор, думаешь: «Ну вот как этот архитектор выбрал именно этот участок? Как сложился замысел, с какими чертежами и инструментами он подошел, разметил, и люди приступили к закладке первого камня?» Читатель может возразить, мол, места эти в соборах намоленные, поколения людей со своими радостями и несчастьями приходили сюда, отсюда и чувство энергетики. Отчасти соглашусь, древние стены хранят память времен и событий. Но первичным все же является уникальность места силы, а потом уже способность зодчего выбрать его для строительства храма. Ведь есть такие открытые и ничем не застроенные места, находясь в которых человек испытывает такие же чувства и так же наполняется силой, как под куполом Успенского собора.

Россия наделена огромными плоскостями бескрайних пространств. Часами можно ехать в одном направлении и не встретить ни одной значимой вертикали, ничто не нарушит ход твоих мыслей, однообразных, как покрытые хвойным лесом холмы и утыканные вразнобой березками подтапливаемые луга. От этого плавного мышления возникла, вероятно, традиция называть любой бугор или склон оврага какой-нибудь Соколиной, Поклонной, на худой конец Николиной горой, при полном понимании, что горами в мире называются совсем другие, даже противоположные красоты рельефа.

Но вся эта среднерусская плавность прерывается, когда перед путником открывается Волга. Внезапный простор, вольный ветер с особым запахом воды, гряды утесов правого берега и бескрайние дали левого. Как русская душа, способная десятилетия проводить в терпении, но потом вырваться на простор и разлиться всей своей шириной, так же, не зная преград, неудержимо несет свои воды великая река, берущая начало в смиренных озерных краях. Петля сотни верст, образуя плесы и излучины, набирая силу свою в угличских и ярославских землях, потом принимая в себя Оку и Суру, стремится Волга с запада на восток. И только напротив Казани, огибая господствующий над окружающим пространством холм Верхнего Услона, Волга меняет направление, и вся эта водная мощь и ширь устремляется на юг. Находясь на самой верхушке того холма, можно охватить взглядом этот грандиозный природный маневр, увидеть стремнины и темные водовороты. Стоя, а лучше сидя лицом к Казани, центр которой виден отсюда до отдельных улочек, всей внутренностью чувствуешь, что за тобой осталась

плавная московско-владимирская Русь, и именно здесь она обрывается. Дальше открывается нечто иное. Здесь легкие наполняются чистым ветром, голова начинает мыслить свободно, и энергия прибывает, то ли от движущихся волн, то ли напрямую от неба. Чувствуешь, как сейчас сходятся прошлое и будущее. Место силы...

На холме Верхнего Услона была сделана первая стоянка отступающего от Казани царского войска. Никаких волн и течений тогда, разумеется, не было и в помине. Волга была покрыта льдом, и снег уравнивал все вокруг. Многодневная оттепель сменялась резким северным ветром и нарастающим морозом. Ввиду опасности санного пути по реке, где днями раньше провалились под лед и утонули десятки пушек, возов с припасами и людьми, главные силы и «царский поезд» решено было двигать нагорной стороной на Козьмодемьянск. По бровке реки под Услонскими склонами направлены были только князя Семен Микулинский и Петр Серебряный со своими отрядами бойцов и обозами поддержки. Князьям было наказано выбрать места и расставить по урочищам заставы и схроны. В полку Серебряного, растянувшись больше чем на версту, шагали и мастер Молога со своим внуком. На рыжей кобыле, покрытой от ветра стеганой попоной, метался вдоль войска стрелецкий сотник Василий, то указывая путь, то подгоняя отставших. Сергуле казалось, что ветер забирается в штаны, в рукава, за ворот. Веревка вещевого мешка врезалась в плечо, и ноги двигались уже просто механически. Ледяная пустыня своей беспросветной жесткостью, казалось, отрицала возможность любого живого существования. Дорога была бесконечной, да и была бы это дорога. Люди шли по ледяным торосам, скользили, проваливались в скрытые снегом ложбины.

– Подтянись, пешцы! Давай, заворачивай левее! За бугор! Пешцы, шагу, шагу! – ободрял и подгонял Василий и идущих в первых рядах, и особо плетущихся позади. Тут ветер резанул в спину с такой силой, что у Сергули сорвало с головы малахайчик и понесло вдаль по снегу. Мальчика пронзила большая обида: как же догнать шапку с такой ношей? А пурга все не унималась.

– Деда! Шапку-то снесло у меня! Как же я без шапки?! – обернулся Сергуля к шагавшему рядом Мологе. И столько было отчаяния и усталости в мальчишеском взгляде, что мастера аж в самое сердце кольнуло. И правда, как он без шапки-то?

– Давай, сыночка, мешок свой, переваливай. Вот так. Беги, беги за шапкой. – Сергуля взвалил на деда свою поклажу и побежал в сторону.

– Ты не мешкай! – крикнул мастер вдогонку. – На ночевку становимся в Медведкове!

Мальчик пытался бежать быстро, но ветер, будто издеваясь, еще дважды отнес малахайчик на приличное расстояние. Теперь он валялся достаточно далеко и был виден не очень ясно в надвигающихся сумерках и при таком буране. Два раза поскользнувшись, падая руками в глубокий снег и снова вставая, Сергуля все же добрал до своей потери. Поднял, стряхнул, хлопая шапку об коленку, надел. На волжские просторы наступала темнота зимней ночи. Сергуля шел обратно, к своим, потирая варежкой заледеневшие щеки и мочки ушей. Вдруг на следующем шаге он не почувствовал под ногой твердости и провалился в глубокий снег по самые подмышки. Мелькнувший ужас, что он провалился под лед, рассеялся. Ледяной воды не чувствовалось. Вообще ничего не чувствовалось, кроме того, что ноги свободно болтались, ни на что не опираясь и ничего не задевая. Сергулю даже пробил смех: цепляться руками было решительно не за что, многослойно плотный снег крепко держал его в объятиях, в глаза, рот и нос снежинки кололи сотнями иголок.

– Де-ду-ля!!! Дядя Ва-ся!!! Э-эй! – крикнул мальчик скорее потому, что в таких случаях, как он полагал, кричат именно так. Надежды, что услышат так далеко, не было. Но что-то делать нужно! Через какое-то время мальчик начал соображать отчаянно быстро, ведь положение было сколь глупым, столь и ужасным. Понятно, что это не полынья и не прорубь. Это просто снег перемел за зиму какое-то углубление целиком, образовав подснежную пустоту. «В таких местах, наверное, устраивают себе берлоги медведи», – подумал Сергуля и передернулся

всем телом. Ну раз невозможно выползти, значит, нужно провалиться окончательно. Мальчик сумел снять варежки и завязать себе под подбородком уши малахая, чтобы не потерять его снова. Потом вновь натянул варежки, поднял руки и задергался из стороны в сторону, молясь, чтобы под ногами все же была не вода. После нескольких отчаянных рывков он провалился дальше. Ноги встали на твердь, а руки почти доставали до края дыры, в которую он соскользнул. «Пока не замело нужно искать подъем», – стучало в висках у Сергули, и он на ощупь стал двигаться внутри своей норы по уклону вверх. Уперевшись в снежную крышу, он попытался скрестить руками – снег поддавался плохо. Сергуля достал из-за голенища нож и стал с силой втыкать в снег над собой. Раз, еще и еще. Согнувшись и приложившись затылком и плечами к холодному панцирю, мальчик поднатужился, и снег рухнул. Карабкаясь на обломки, Сергуля вылез на поверхность и немного отдышался. «Ищут меня, наверное?» – подумал мальчик и быстро зашагал по верному, как ему думалось, направлению.

Отряды в сумерках подтягивались к деревеньке Медведково, названной так переселенцами из-под Москвы. Там за осень плотниками Александра Ивановича были собраны избы, сколочены длинные сараи для людей, навесы для лошадей, устроены амбар и ледник. Здесь был назначен привал.

– Александр Иваныч, все ли ладно? – крикнул Василий, заметив беспокойство старого мастера, который все выглядывал что-то в стороне реки.

– Не ладно, Вася! Сергульки нет. Отлучился да не вернулся.

– Куда отлучился? Когда?

– Да вот у поворота, не доходя Емелькиной ямы. Иду искать его, Василий! – Молога сбросил всю свою ношу на снег. – Посмотри за инструментами, Вася!

– Нет, Иваныч, нет. Ты никуда не пойдешь, тебя беречь наказано.

– Я буду на печке греться, а моя кровинка единственная в пурге бродить? Ты рехнулся? Пусти!

– Нет, дядя Саша, значит нет! – Василий повернул лошадь боком и загородил старику ход. На резкий голос командира тут же отреагировал близ идущий десяток стрельцов. Бойцы выросли вокруг Василия заснеженными столпами и уставились на него в готовности к команде.

– Петька Лавров, Тренька Мурзин! Ко мне! От утеса по льду верста на версту прочелночить сугубо, отрока Сергулю сыскать! Остальным доставить Александра Иваныча до истопки, блюсти мастера!

Двое стрельцов, передав сослуживцам свои поклажи, ринулись в темноту в обратном направлении. Еще двое подхватили вещи Мологи и повлекли его, аккуратно прижимая с двух сторон, в сторону деревни, в гору. Немного позади ехал Василий.

– Чего ты, Иваныч, вскинулся. Ну может, подвернул ногу наш Сергуля, идти тяжело. А может, заговорился с кем, засмотрелся на что. Ты ж его знаешь!

– Я внука знаю, просто так не отстанет. Потому и сердце болит. Не найдется сейчас, я все равно уйду искать, не удержит никто.

– Пойми, это государев указ – мастеров беречь пуше золота. Ты сгинешь тут в снегах, а меня на колоду? Не-е, это нас таких, кто саблей махать да пулять, может, сотни и больше, а таких, как ты, зодчих, как пальцев на руках. А Лавров и Мурзин сыщут Сергулю, что ты! Тренька Мурзин тем более местный.

– Что ж татарин возле тебя делает?

– Ну ты даешь, Иваныч! Он у меня не один казанец. Служаки они отменные. Из них есть такие – как для войны и родились. Прикажешь – он и себе, и остальным кишки наматает, а делает. Так что остынь, подожди. Найдут.

Тем временем Сергуля разглядел вдаль огни и прибавил ходу. Стало как-то легче, когда расстояние до цели хоть и далекое, но понятное. Мальчику было ясно, что факелы разожгли на подъеме в Медведково, чтобы отстающие, такие, как он, не прошли поворот. Показались

торчащие из-под снега кусты и хилые деревца. Наверняка это островок на реке, который теперь и не заметишь. Туда шел, вроде кустов не видел. Так тоже понятно, идет напрямки, к своим.

Ветер стихал, снег уже замел все, что возможно и невозможно, мороз становился крепче. Сергуле показалось, что за ним кто-то движется. Обернулся – так и есть. Почти бесшумно за ним скользили по снегу в темноте несколько десятков силуэтов. Люди. Татары? Мальчик вложил все свои оставшиеся силы в бег. За спиной был слышен приглушенный говор, вроде не татарский, более шипящий и щебечущий. Силуэты не отставали, но и не приближались. Он наконец доплелся до высокого и крутого холма, на вершине которого и маячили четыре факела, свет их уже затухал. Сергуля начал взбираться. Каждый шаг в гору отдавался режью в боку и стучал в виски. Оступившись очередной раз, мальчик упал и встать уже не мог. Последнее, за что зацепилось зрение, уплывающее вслед за сознанием, это высокая, сложенная из хвороста тура. Подползя к ней, Сергуля снял варежку, пощупал. Сухой хворост, уложена, значит, эта башня умно и для дела. Уже не думая, мальчик достал из внутреннего кармашка огниво, помял и собрал в сухой комочек кору. Поджечь хворост, может, тогда свои заметят?! Довольно умело чиркнув кресалом, обессиленный маленький путник добился снопика искр, потом еще. Кора занялась. Замерзающие пальцы подвинули разгорающийся комок для верности подальше в сучья. Как быстро занялась вся эта башня хвороста, Сергуля уже не увидел. Его накрыло холодом, голодом и усталостью.

Первым зарево огромного костра над ночной Волгой, заметил дозорный князя Серебряного. В военное время, да на чужбине докладывать было велено немедленно. Не успела луна еще воцариться на ночном небе, как князь с отборной сотней всадников двигался в сторону огня. «Татар в этих местах не должно быть. Пожар? Но окрестности безлюдны, чему гореть? Значит, или верный боевой сигнал, или... что? Или обряд каких-то сыроядцев!» – так думал про себя князь по дороге. Продвигаться быстро не получалось. Впереди шли три ряда тяжело-возов с верховыми, которые протаптывали как могли путь для княжеской дружины на дорогах боевых конях, чьи ножки были хоть и выносливы, но хрупки. Получалось не так быстро, как хотелось. И все же князь достиг той большой круглой горы, на которую немногим ранее забирался наш Сергуля.

– Ристай! Ристай! – выкрикнул князь, пришпорил коня и вырвался вперед, за ним по склону вверх, остальные всадники старались не отставать и тоже придали лошадям ускорение. Как выяснилось, гора была голой, и лунному свету негде было споткнуться. Горящая куча осталась справа, а впереди виднелись какие-то сооружения, факельные и костровые огни и людское движение. В сторону конных полетели стрелы. Вреда особого они не нанесли, князя чиркнуло по шлему, досталось чьему-то коню, кому-то повредило ногу.

– К бою! – крикнул князь. Сабли смертоносно засверкали в умелых руках, конница вломила в группу каких-то двуногих существ. В руках некоторых из них были луки, у других подобия пик, у третьих – топоры. Тем, кто не успел разбежаться, в несколько мгновений были раскрыты черепа. Но и остальные далеко не убежали. Княжеская дружина наступала быстро, обьяв с двух сторон центр холма вогнутой дугой. Боя не получилось, сопротивление было смято быстро. Существа пятились, садились на корточки, сбивались в одну кучу. Когда князь Петр Серебряный выехал на середину, ему представилось такое зрелище. Площадка, посреди которой в плоском поддоне горели жарко дрова, была окружена полукружием каменных глыб, примерно одинаковых по размеру. Вторым, меньшим полукружием были установлены столбы, вероятно, дубовые, с высеченными на них человекообразными и звероподобными головами. Справа и слева стояли щиты из сколоченных досок, к которым ремешками за руки, ноги и шею были прикреплены тела взрослых мужчин, вернее то, что от них осталось. На третьем щите также ремешками был распят подросток. Стоящие под взрослыми мужчинами корыта были наполнены темно-красной жидкостью. Было понятно, что в процессе зверского ритуала им надрезали вены на руках и на ногах. У обоих были вспороты животы и внутренне-

сти вывалены наружу. Самое ужасное, что при этом один из них еще был жив, смотрел куда-то вверх голов и шевелил губами, как будто разговаривал с ночным небом. Кто-то мог бы распознать в этом живом стрельца Треньку Мурзина. Мальчик, по счастью, был не изувечен и в корыте под ним крови не было. Все присутствующие, в том числе сидящий на кожаном тюфяке, вероятно, предводитель, парализованно смотрели на князя и конных. Только один продолжал бесноваться, размахивая гнутым в двух направлениях ножом и посохом. По крючковатым нестриженным ногтям и длинным, сбившимся в седые веревки волосам в нем можно было узнать шамана.

– Нужно помочь нашему... Фуфай, освободи паробка! – сказал князь и приблизился к центру ужасного действия с явным намерением его прекратить. Следом огромного роста детина Фуфай с маленьким ножом двинулся к мальчику.

– Арам! Ар-р-рам! – дико заорал шаман, глядя на князя выпученными бесноватыми глазами и потрясая ножом в явном экстазе. Горизонтальный, с оттяжкой, удар княжеской сабли отсек дикарю руку вместе с ножом, а заодно и голова в немых патлах покатила по земле. Мальчика, освобожденного от пут, уже заботливо принимали сильные руки дружинников, когда Серебряный резким ударом под сердце прекратил мучения Треньки.

– Фуфай, слушай, что делать. Сыроядцев попарно вязать! Паробка в бекешу укутать, дать стопку хлебной да хлеба, если есть у кого. Послать за замерщиками и зодчим в Медведково. Этого главаря стеречь. Ты, кстати, кто таков? – обратился князь к сидящему на тюфе. Тот повалился, на коленях подполз к коню князя и выказал неплохое для язычника знание русского языка.

– Я Муркаш-бек! Я говорил асамче, то есть шаману, не трогать мальчика, он не трогал. У мальчика на груди висит лик старика. Такой старик нашу гору обходит. Его стрелы не берут. А когда ходит старик, колокол подземный звонит. Слышали у нас, знают все. Муркаш слуга будет, много людей из леса к русскому князю приведет поклониться...

– Фуфай, слушай далее! – мало обращая внимания на трескотню Муркаша, продолжил князь. – Я с двумя десятками буду пытаться нагнать государя, попытаюсь сюда его завернуть. Чтобы к обедне все готово было к царскому посещению. Дорогу по льду, где совсем неровно, залейте из проруби, чтобы от мороза окрепла. – А с тобой, как там тебя, Муркашка, у нас будет еще долгий разговор, придумай пока что повеселей.

На этих словах князь Петр Серебряный развернул коня и, с посвистом поставив его на рысь, удалился в ночь. За ним последовали около двух десятков конных бойцов.

Начало большой стройки

История великих правителей обычно описывает их крупнейшие победы, свершения или неудачи. Но мало кто говорит о механизме этих исторических событий. Вокруг первого лица всегда складывается круг приближенных, конкурирующих за его внимание. Ему приходится слушать каждого из своей свиты и выбирать из этого потока главное, соответствующее цели развития страны. Долголетие царствования, когда оно способно на великие дела, зависит от умения царя не попасть под влияние этой свиты, не иметь перед придворными обязательств, не позволить церемониалу управлять собой. На зависимости царя или короля от свиты начинается утрата им возможности чувствовать и ориентироваться в событиях и заканчивается его царствование, победы и свершения, а часто и само государство.

Иван IV боялся попасть под эту зависимость всю свою жизнь, и если эта боязнь в последующем и приобрела черты маниакальности, то, так или иначе, свобода в принятии решений позволила в годы его царствования расширить границы Руси от берегов Оки до берегов Оби и Каспийского моря.

Князю Серебряному этим утром повезло дважды. Во-первых, царский поезд еще не ушел из Верхнего Услона дальше урочища Моркваша. Отряды князей Воротынского и Горбатого, которым назначено было идти вместе с царем, еще подтягивались из предместий непокоренной Казани. Во-вторых, царь не был занят беседой с кем-либо из приближенных, и ждать аудиенции пришлось недолго. Серебряному было очень важно убедить Ивана лично осмотреть Круглую гору и дать повеления, ведь в России испокон веков что-то значимое может быть сделано только по высочайшему указу. Солнце не успело толком озарить заснеженные дубравы, как из царской ставки быстрым ходом ушли две конные группы, одна на Медведково, другая напрямую в сторону Круглой горы. Следом, в окружении небольшой конной охраны, отправился теплый санный возок, запряженный четверкой разномастных лошадей, внутри которого разместились сам Иван, князья Серебряный и Курбский и, конечно, верный Игнатий. По дороге Серебряный успел сообщить государю о событиях этой ночи и о своих соображениях насчет размещения застав, а Иван посокрушаться вероломством и дикостью лесного князька, присягнувшего Московскому престолу еще три года назад.

По выровненному и утоптанному пути возок подъехал к подъему на Круглую гору и остановился. Путники вышли и услышали глухой, сдержанный гул голосов, перемежающийся детским плачем. У двух широких прорубей стояли мужики и длинными баграми плескали холодную темно-коричневую воду, разгоняя льдинки и не давая замерзнуть. Вокруг прорубей под стражей стрельцов с обнаженными саблями стояли бедно одетые люди, в том числе и бабы с детьми разного возраста. Многие были закутаны в темно-серые пуховые платки по глаза. У всех взрослых были связаны руки, за руки же они были связаны попарно: мужик к бабе, баба к подростку. Здесь же стояла широкая колода, которой была предназначена роль плахи, а возле нее широкоплечий мужик с большим топором – вероятно, палач. У плахи стояли уже разутые низкорослые, не знавшие стрижки и бритья мужчины, в одних власяных рубахах, со связанными за спиной руками. При виде царских саней они быстрыми рывками охраняющих были опущены на колени. Первым к плахе стоял лесной князек Муркаш, по разбитому лицу которого можно было догадаться, что люди Серебряного задавали ему вопросы и он на них ответил, раз такое количество муркашевских соплеменников было согнано из леса за такой короткий срок. У некоторых баб на платках через шею, как в люльках-свертках, лежали младенцы, о существовании которых можно было догадаться по их истошному ору. Только эти младенцы не догадывались о сути суровых приготовлений, остальным же тяжелая участь была ясна. Ближе к прорубям стояли сани, груженные известняковыми камнями среднего размера, количеством примерно по числу собранного народа.

– Изволь, государь, милость явить! – с поклоном громко произнес князь Серебряный. – Реши судьбу изменников! Присягали тебе, государь, клялись не чинить бедствий и крест принять доброй волей. Поп, которого оставили им в прошлом походе, сгинул. А вчера служивых люто уморили. Яви волю, государь!

– Ты, князь Петр, начал это дело, ты и реши судьбу добычи своей! – сказал Иван негромко, но очень внятно, слышно для всех окружающих. А потом, с хитрым прищуром: – Серебряный, поступай с ними своим умом, мне эти черви неинтересны. Только если кто из лесных, свияжских, мутить при нашем деле начнет, я это как нож в спину приму. И тогда ты, князь мой ближний, ответишь!

От Серебряного, не готового к такому решению царя, не скрылась легкая ухмылка Курбского, который уже стоял, держа под уздцы двух коней.

– Может, верхом, государь? Пока князь Петр тут управится с варварами, осмотрим Круглую гору? – сказал Курбский преданно и присел на колени, сложив руки для подсадки царя на лошадь.

– Да, едем, Андрейка! – сказал Иван, и они тронулись осторожным шагом вверх по тропе.

Серебряный был ошарашен. То есть он все разведал, отбил мальчишку, усмирил лесных, всех привел сюда, а показывать гору царю будет Курбский! Да что он там еще успеет наговорить! Князь взял богатырской рукой трясущегося ознобом Муркаша за шею, как кота за загривок, и рывком поставил на ноги.

– Муркашка-тварь! – прорычал Серебряный. – Я б тебе сейчас за людей моих и за измену самолично ноги вырвал и живьем в прорубь пустил! Да только царь доброту явил! Молись, гнида, славь царя Иоанна! Теперь слушай: оставляю тебя живым и стадо твоё паршивое. Здесь застава русская будет. Начнут тебя склонять казанские на смуту, на поход, на дело какое – сразу гонца на заставу с вестью для Серебряного. Через год, как Волга вскрыется... смотри на меня, куда ты в ноги устался! – не теперь как вскрыется, а через год, когда вскрыется, по весне всех людей лесных сюда приведешь, от старика до новорожденного. Не только свой муравейник, а всех. Крестить вас будем. Запомни, год тебе на все! И еще запомни: царь мне над вами власть полную дал, больше милости спрашивать не буду. Еще один твой претык – затравлю вас тут всех в лесах, как диких лис. – Серебряный отпустил Муркаша, а потом, подумав о чем-то, вlepил ему в переносицу кулачный удар такой силы, что князек запрокинул голову, шагнул назад и треснулся об лед затылком и спиной.

– Фуфай, коня мне! Гони сыродцев в шею и за мной, на гору! – скомандовал князь.

К осмотру горы приступили в полдень. К этому времени подоспели воеводы Горбатый, Воротынский и Микулинский, которые привезли с собой двух писарей. Сотня стрельцов Василия, мастер Молога, Сергуля и двое взятых на всякий случай подмастерий дожидались приезда вельмож еще с раннего утра. Сергуля, заставивший деда пережить несколько ужасных часов, был сначала расцелован, потом для порядка получил крепкий подзатыльник, потом снова поцелован в макушку и теперь стоял, прикрытый полой дедовой шубы, как от ветра. Хотя ветра не было и вообще сложно было представить, что еще вчера вечером была ураганная метель. Простор, открывающийся взору, наводил на мысли о том, что гора эта и есть центр мироздания. Окружающие снежную равнину покрытые лесом холмы отделяли ее от звеняще-синего неба торжественным гигантским амфитеатром. Снег пышными перинами переливался и искрился. «И впрямь, нет белого цвета, как иконописцы говорят!» – подумал про себя Молога, как и все с восхищением созерцая это бескрайнее царство солнца и льда.

– Начинай говорить, Андрей! – распорядился царь. Курбский вышел вперед с палкой в руке и стал рисовать на снегу.

– Государь! Гора эта похожа, не смейся, на продолговатую редьку, если ее разрезать вдоль и положить на стол. Хвостик редьки смотрит туда, на северо-восток, в сторону Казани. Мы стоим здесь, ближе к редькиной попе, откуда ботва. Вот «ботва» эта, вот так – это земля. Летом

по этой «ботве» добраться до Круглой горы можно пешком, петляя мимо болот и топей. По весне этот перешеек полностью под водой, до самого лета, пока большая вода не сойдет. Вот, государь, меж нами и холмами, где деревенька наша обосновалась, это река Свяга. По другую сторону река Шука. А носик редьки указывает на Волгу. В половодье реки так сливаются, что не различить, сплошное море. Забираться на гору можно или вот с носика, или где мы. Везде в остальном обрывы, почти отвесные. Никто не живет на горе. Черемисы лесные проводят тут свои обряды. Вот тут, в самой середине горы, у них капище, жертвенник.

– А где князь Петр? – Царь обвел глазами своих спутников. – Поди сюда, ты что хотел сказать? – Серебряный вышел вперед. Курбский протянул ему палку и дружески улыбнулся, Серебряный даже не посмотрел на него, приняв суровый вид.

– Батюшка наш, Иван Василич! Как воин говорю тебе. В чем беда была наша и предков твоих князей, светлая память, московских? Казань не близко. Пока от Коломны и Мурома войско идет – это долго. Даже мне от Нижнего – долго. Передовые отряды уже под стенами, а пушки по ту сторону. Кормить трудно – съестные обозы приходят поздно. А от бескормицы болеют бойцы и мрут. Вот в этом году под лед две арматы с ядрами ушли, людей сколько потопили. Как бы на этой горе обосноваться войском, передохнуть, дать обозам подойти. Коням дать отдых. Кузню бы иметь, печи хлебные, амбар. А отсюда на Казань один дневной переход, примерно две дюжины верст. Отсюда бы ударить дружно. Вот зачем я тебя, государь, сюда вел.

– Не дело говоришь, Петр Семенович! – встрял воевода Горбатый. – Поганое место, людей тут варвары своим берендеям приносили. Не будет тут доброго, нет. Как можно в месте юдином православную крепость делать?

– А где отрок, который к горе ночью пришел? – спросил вдруг царь. Все засуетились. Князь Серебряный кликнул: «Васька, где зодчий с мальцом? Быстрее!» Перед царем вытолкнули Мологу и Сергулю. Курбский и тут всех опередил.

– Это, государь, сирота. Родителей сгубили при гирейском набеге, когда под Коломну казанцы пришли. Дед его Александр Молога, зодчий мастер из Напрудного, при себе держит, к делу приспособливает, – дал пояснения Курбский, а Серебряный даже головой покачал: «Ну, ловкач! Все узнал и везде успел!».

– Как звать тебя, отрок? – привлек его к себе за плечо Иван.

– Сергуля.

– Мм, Сергуля... Сергей. Имя заступника нашего носишь. Как же ты, Сергей, нашел эту гору в метели да в темноте? Мои воеводы вот бились-бились – не нашли место для заставы. А ты нашел. Ну не бойся, натерпелся ты, да тут тебя не обидят! – трепал мальчишку царь. Сергуля, от природы скромный, потупился под всеобщим вниманием еще больше. Ни жив ни мертв стоял и Молога, глядя на внука в руках самодержца.

– Батюшка, я... прошел вот тут, по тропинке... – залепетал Сергуля.

– Писцов сюда! Чертите кратко, в Москве указом перепишите, – скомандовал царь и наконец утратил интерес к мальчику. – Князь Петр, ты с зодчим своим внимай особо. Будем строить на горе этой крепость. Образцом плана возьмем ромейские городки. Одна главная дорога будет вдоль, другая – поперек. А по центру... а по центру место варварское, капище. Как ты там, князь Александр Борисович, выразился? Место «юдино»? То есть Иудино, что ли?

– Точно так, батюшка, юдино место! – отозвался Горбатый.

– Хорошее название для поганого места – Юдино, запомню. Ну, так раз место тут иудино, оставить его пустым, дорогу пустим вот тут. Здесь поставить церковь Троицы и лавре нашей Троице-Сергиевой от дороги до берега землю отдать под монастырь. Всю гору по бровке обрыва двухрядным частоколом оградить. Ворот в крепость сделать четыре, по четырем сторонам. Предстоятелю челом бить, дабы выделил сюда архиепископа. На западе крепость нужно усилить, поставить каменную обитель. Тропу, где поднимались, замостить, главным подъездом сделать. И название дать, чтобы день запомнился сегодняшней. А хоть именем этого сиротки

и покровителя нашего небесного Сергия, напишите, Сергиевский взбег будет. Про «носик редьки» особо помните. Здесь башню-церковь поставить нужно. Направление на Казань воинство небесное и земное оборонять будут.

– Кому вверишь сии наказы твои, государь? – спросил Курбский, выждав паузу.

– Тебе, Андрей, нужно оборонить это место, пока крепость не построится. Тебе, Петр, с зодчим твоим, посчитать да померить, сколько леса да камней, да сколько делателей, ломщиков и плотников потребно будет. Все это потом передать дьяку Выродкову. Постройкой Выродков будет руководить. Центральную церковь сложить к Троице следующего года, церковь-башню сторожевую – к Константину и Елене, а крепость целиком к Успению Пресвятой Богородицы. – На этих словах царь перекрестился, сел на коня и, как человек, уверенный, что каждое его слово уже вошло в историю, начал разворачивать к дороге, только что наименованной Сергиевым взбегом. Вся свита тут же повскакивала на лошадей и двинула за царем, впереди скакала охрана. У подножия Круглой горы уже стоял почти весь «царский поезд», который стянулся сюда за государем. Вскоре санная и конная кавалькада русского властелина отправилась в долгий путь на Москву. Солнце клонилось к островкам Свяги. Последним из воевод с Круглой горы уезжал князь Серебряный со своими бойцами, предварительно давши указание своему Фуфаю подвезти остающимся железную печку, дрова, хлеб и сушеную рыбу.

– Видал, какое тебе уважение, дядя Саша! – проговорил Василий, расправив плечи впервые за этот трудный день.

– Ты тут гоголем не стой, Васька! – сказал мастер. – Раз нам тут оставаться, так дуй на коне до Медведкова, снаряжай подводку с какой-никакой снедью, котелков пару да досок десятка четыре туда. Одежку запасную собери, какая есть. А мужики-делатели к рассвету пусть тут будут.

– Смотрите на него, распоряжается! – воскликнул Василий, ликуя от всего происходящего. Ну как же, государя близко видел, задание самое важное выполняет. А вечер еще в пургу уйти хотел не знай куда! – Василий был уже в седле.

– Давай, одна нога здесь, другая там! – подбодрил его Молога. – А вы со мной, – сказал он подсобникам и Сергуле. – Пойдем взглянем на это капище еще раз, посмотрим, что там можно взять на дрова, что на укрытие. Это ж до ночи нужно какой-то ночлег соорудить. Царские указы надо выполнять сразу, пока они даже и не написаны.

Василий ускакал в Медведково, предварительно расставив посты: четверо стрельцов наверху Сергиева взбега, двое внизу, у прорубей, которые за ненадобностью уже затягивались тонким ледком.

Сабантуй

Есть в природе средней полосы такое чудесное время, когда земля освобождается от снега, скидывая его на северные склоны оврагов. Реки начинают оживать от ледяного панциря, а люди от холодов и зимних одежд. Душа требует праздника подтверждения жизни, ведь все самое теплое еще совсем впереди, и шалости лета еще не отягощают совесть. В Казанском крае с незапамятных времен кульминацией этих весенних чувств является сабантуй.

Раскрасневшись после эчпочмаков с гусятиной, губады с медом и нескольких чарок араки, стольник русского царя Алексей Адашев, князь Петр Серебряный и воевода Семен Микулинский не спеша, осанистой походкой двигались к амфитеатру майдана. Дорогих московских гостей сопровождали казанский мурза Камай, состоящий на московской службе мурза Аликей Нарыков и посол Рашид-бек. На расстоянии неотчетливой слышимости слов кучной группкой шли наши знакомые дьяк Иван Выродков, княжеский сотник Фуфай, мастер Молога с внуком и Василий с десятком стрельцов. Распахнув радушным жестом руки навстречу Адашеву, похожий на персидского шаха своим роскошным халатом, благородной осанкой и короткой ухоженной бородкой, гостеприимно улыбался астраханский хан Дервиш-Али.

– Свидетельствую почтение послам князя среди князей Ивана! Примите наш хлеб и время широкого удовольствия! Прошу подняться на места для самых важных людей! – провел Дервиш-Али с поклоном русских гостей и сопровождающих их мурз на сколоченный ярусами бревенчатый помост. – А свиту вашу разместим с почетом вот тут, пониже, – и жестом отделил идущих следом, которых тут же ловкая охрана рассадила в ряду купцов и беков-землевладельцев. Посол Рашид, неожиданно отделенный от делегации и попавший в русскую «свиту», зримо задержался, что-то громко по-арабски крикнул в сторону вельможного яруса, но Дервиш-Али не обратил на него ни малейшего внимания, хотя все слышал.

– Здравия тебе и семье твоей, хан Дервиш! Благолепен и широк удел твой! – сдержанно проговорил Адашев.

– Что ты, досточтимый князь Алексей, – учтиво как только возможно всплеснул Дервиш-Али. – Лучшие земли мои в русской земле, под городом Серпуховом и уголья на низу Итиля, просторные. Вот там уделы! А тут смотри: заканчивается Казанская луговая сторона, а Арская лесная начинается. Вон там, у речки Казанки, видишь две избы и конюшню. Это местные прозвали Иске Дербыш, а вот тут несколько дворов вдоль Арской дороги – Зур Дербыш. Смешно произносят имя мое, как бы не прижилось название-то – Дербыш.

– А что не в Казани-городе нас встречаете? На поле загнали и пирожки под нос суете! – вскипел вдруг богатырским басом Серебряный. – Нам с тобой, что ли, о деле рядить и государю докладывать, Зур Дербыш?!

– Не шуми, князь, просим тебя, тише! – наклонился к уху Серебряного мурза Камай. – Казанский посад после пожара еще не залечил раны, не хотим послов великого государя по пепелищам таскать.

– А не можете отстроить, так мы подмогнем, отстроим вас! Плотников да каменщиков вдоволь!

– Прошу, уймись до времени, князь Петр! Дай хозяевам слово сказать! – возвысил властный голос Адашев. – Скажи мне, досточтимый хан Дервиш, когда прибудет царица Сююмбике с царственным Утямышем? И будет ли на празднике духовный глава Казанской земли?

– Алексей Федорович, Сююмбике, одна из жен покинувшего этот мир великого Сафа-Гирея, и его маленький сын будут, конечно, ты их увидишь. – вкрадчиво заговорил мурза Камай. – Но в этом мало смысла. Ведь ты приехал говорить о мирных делах, а с женщиной и ребенком много ли дел? Наш великий учитель Кул-Шариф никогда не присутствует на весе-

льях. Его мы видим только в намаз на праздник или на собрании дивана. Туда иноверцам запрещено.

– А вот с кем поговорить нужно, так это со знатными людьми: карачи Булатом Ширин, эмиром Акрамом и беком Чапкыном Отучевым, – вступил в разговор мурза Аликей Нарыков. – Они владеют многими землями и промыслами, у них много рабов, золота, служилых людей. И их интерес все это сохранить и умножить. Мы устроим тебе с ними разговор!

– А уж ты, Алексей Федорович, когда дело делается, не забудь великому государю упомянуть, кто всячески его делам в Казани пособничал! – подытожил мурза Камай. Хан Дервиш-Али подтверждающе закивал, опасливо косясь на могучую фигуру князя Серебряного. А посол Рашид усиленно вертел большой головой на гусиной шее, тщетно силясь снизу понять смысл разговора на гостевом ярусе.

Между тем праздник женитьбы татарского плуга-сабана и земли разворачивался самым широким образом. Угостившись вареной бараниной, мясными пирогами и сладостями, народ занимал места для развлечения и зрелищ. По правую руку от центра амфитеатра кучковались казанские татары. Простые, не богато, но очень опрятно одетые люди сидели или стояли внизу, седых стариков усадили на специально приготовленные кожаные тюки. Почетные места занимали богатейшие вельможи Казани, за спиной которых стояла грозная охрана. Левая сторона наполнялась людьми в массе своей более разношерстными и без признаков оседлого образа жизни.

Попавшие в казанскую сторону майдана Молога и Сергуля очень быстро почувствовали острую состязательность между казанцами, столичными горожанами и луговыми сельчанами и арскими людьми – жителями непроходимых лесов и живописных урочищ. При сугубо мирном характере праздника конкуренция была азартная. Сначала всех завели смехом и подбадривающим гиканьем дети и подростки, которые соревновались в прыжках в мешках. Прыгающие падали, снова вскакивали, мамыши их и бабушки всплескивали руками, переживая за своих чад. Наконец определился победитель.

– Подмастерье Сергуля! – вдруг воскликнул сидящий среди русских Рашид. – Сейчас будет совсем интересно! Иди на майдан, покажи быстроту и ловкость!

Поймав одобряющий взгляд деда, Сергуля пролез под жердью ограждения и вышел к соревнующимся. Его тут же вовлекли в группку казанских мальчишек, сунули в рот деревянную ложку и положили в нее яйцо. Задачей состязания было быстро, как только можно, перебить майдан с ложкой во рту и лежащим в ней сырым куриным яйцом, обогнуть один из двух стоящих посередине столбов и вернуться к своим. Когда все началось, Дербышинские березовые рощи сотряслись от хохота и топота: кто-то из бегущих ронял яйцо, кто-то падал и давил эти яйца своим весом, кто-то спотыкался об упавшего и падал или ронял яйцо на голову лежащего. Тех, кто пытался помочь себе руками придержать ложку, взрослые зрители оттащивали за ворот в сторону. Немногие, в том числе Сергуля, проделали надлежащий путь без потери. Правда, мальчик придержал яйцо рукой, когда споткнулся, но этого не увидели либо простили. Сергуля вернулся к деду сияющий со своей наградой – раскрашенной глиняной свистулкой в виде диковинной птицы и печеным треугольником.

Всеобщей атмосфере азарта поддался и Василий.

– Дядя Саша, а дальше что будет, как думаешь! Надо уделать этих арских, я пойду, кабы знать, что делать!

– А ты спроси вот этого, Рашида. Он, похоже, все знает. Тут столбы не зря стоят. Видишь, Васька, какой у них тут хороший строевой лес. Сосна или ель, не разгляжу – саженей на восемь в высоту и без единого изгиба! – отвечал Молога.

– Рашидик! Чего дальше будет, знаешь? – небрежно крикнул Василий.

– Иди, воин, иди. Тебе понравится!

У столбов, мало того, что гладких и без намека на сучки, так еще, кажется, и намасленных, выстроились человек по десять с каждой стороны. На верхушке каждого столба в корзине, неведомо каким подъемным механизмом туда доставленной, сидело по петуху. Попытка залезть на столб у каждого была только одна. Некоторые не могли подняться ни на вершок, просто скользили на месте – их прогоняли. Некоторые зависали на трех-четыре аршинах от земли, но потом тоже съезжали к основанию. Наконец, один из арской стороны, коренастый и невысокий татарин, подошел к столбу не торопясь. «Искандер, алга!» – раздалось над майданом. «Это Искандер, сотник у Епанчи!» – закричал кто-то из арских. Цепляясь крепкими, явно привыкшими к постоянной конной езде ногами в мягких кожаных тапках, татарин полез на столб не спеша. Совершая рывок вверх руками, он тут же крепко обвивал ногами столб, давал рукам отдых – и снова рывок.

«Этак мне в сапогах неспособно будет!» – смекнул про себя Василий и начал раздеваться. Стрельцы с интересом наблюдали, как их командир скинул кафтан, потом рубаху. Оставшись в штанах, Василий разулся и размотал портянки. Потом нагнулся, потер ладони земелькой.

– Ну, пошел!

У Василия не получалось овладеть высотой так ловко, как у татарина Искандера.

– И раз, и... еще! Иех... – подгонял себя Василий, явно отъевший в Свияжских землях командирский животик. Искандер почти долез до корзины, посмотрел на пытящего русского и улыбнулся сквозь усы. А казанская часть амфитеатра уже громко болела за Василия так, как будто это и не стрелец московский был, а удалой батыр с берегов Булака. Для России это свойственно было и в то время, к которому относится наш рассказ, и в позднейшие времена: сегодня вместе праздновать, а завтра насмерть воевать с тем, кого считал своим гостем, и наоборот. Переход от войны к миру и обратно совершается у нас стремительно, но пока на майдане был мирный сабантуй. Собрав последние силы, Василий добрался до корзинки с косящим на него боком петухом. Василий дернул, еще.

– Твою ж мать! – Василий почти повис на этой корзинке, и, увлекая ее своим весом вниз, покатился по столбу. Через мгновения походкой героя он уже шел к зрителям под ликующие овации. Надо сказать, что Искандер опередил Василия ненамного и тоже с добычей направился к своим. Швырнув птицу толпе бедняков, Василий залез на свое место и стал натягивать сапоги, попутно поддаваясь висящему у него на шее восторженному Сергуле и дружеским похлопываниям богатыря Фуфая.

На какое-то время поляна сабантуя стихла. На самом почетном месте амфитеатра происходило какое-то движение. Общее внимание привлекла к себе фигура знатной дамы в малиновом, шитом золотом одеянии и высоком конусовидном головном уборе, посверкивающим драгоценными камнями. Рядом расположился мальчик лет четырех в белой чалме и зеленом, так же дорого расшитом халате. Вместе с дамой на ярус вошел грузный немолодой татарин с седой окладистой бородой, в отделанной соболем шапке и шубе из дорогого меха, подчеркивающего переливами на солнце богатство хозяина. Глашатаями было объявлено, что хан Утямыш с царицею Сююмбике явил милость присутствовать на сабантуе. Все обернулись и отреагировали восклицательным охом. Программу праздника по взмаху платка Сююмбике продолжила борьба курэш.

– Смотри, Алексей Федорович! – оживился мурза Аликей Нарыков. – Вон вместе с Сююмбике сидит Чапкын-бек Отучев. По русской мере это ближний боярин. С ним нужно тебе с глазу на глаз потолковать. Сейчас мы нашу регентшу займем чем-нибудь...

– Любезные хозяева, не нужно считать гостя слишком наивным! – сказал Адашев. – Верить, что Сююмбике, дочь ногайского хана Юсуфа, способного собрать в любое время двадцать тысяч сабель, ничего не решает, может только наивный мальчик. Я похож на такого? И то, что женщина уцелела в вашей змеиной ступе и уберегла сына, разве не достойно уважения?

– Мы все тебя поняли, Алексей Федорович! Будешь говорить с ними, мы это устроим, – почти прошептал мурза Камай.

А на майдане происходило действие еще более захватывающее, чем все предыдущие. Лучшие батыры с берегов Средней Волги и Камы, щеголяя своими мускулами, пытались доказать превосходство и просто покрасоваться. Расчет был на ловкость и силу, потому как древняя борьба курэш не изобилует разнообразием приемов. Соперники, оголенные сверху по пояс, пытаются уцепиться за широкий кушак, которым каждый из них подпоясан. А уцепившись, нужно рывком или броском повалить соперника. Через некоторое время на майдане осталось всего два безусловно лучших борца.

Огромного роста казанский богатырь Сюнчелей, только что выигравший десяток схваток, смотрел на окружающих взглядом большой бойцовой собаки, которая привыкла побеждать, и при этом улыбался бесхитростной улыбкой. Марийский боец Мамич-Бердей, напротив, горячил себя и задирали соперника жестами и фразами, нервно прохаживаясь взад-вперед. Казанец обладал необхватными руками, был крупнее и выше соперника, но Бердей, хоть и был изящнее, тоже имел скульптурное сложение. Глядя на двух батыров, закрадывалась мысль, что именно так и должен выглядеть настоящий человек, мужчина. И если был на майдане кто-то не уступающий этим двум по борцовой хватке и монументальности, то это, конечно, был Фуфай, самый азартный зритель. Он уже обернулся к князю Серебряному с неммым вопросом: «Ну как? Можно?» и, получив угрожающе-отрицательный жест в ответ, сидел теперь, сжав пудовые, похожие на пушечные ядра, кулаки.

– Кабы кулачный бой был, как на Масленицу! Да, Фуфай? Вот бы мы показали лиха! – ободрял его Василий.

– Да я бы и в этом тартарском способе показал бы! – сквозь зубы шипел Фуфай.

– А какие еще зрелища приготовили нам любезные хозяева? – поинтересовался Адашев, обращая внимание на разгорающиеся страсти своих соотечественников.

– Верховые скачки, по кругу, – ответил тихо на ухо Адашеву хан Дервиш-Али.

– А в этих скачках тоже есть, наверное, самый сильный, кто должен победить?

– Три лета кряду первым приходит арский князь Епанча!

«Епанча, Епанча», – перебирал в уме Адашев. Слышал по рассказам. Не тот ли лихой это Епанча, который угробил сотни русских воинов в прошлый поход? И надо ли, чтобы мои воинственные спутники смотрели на этого Епанчу? Нет, нам нужно договариваться о мире, во всяком случае, пока!

– Досточтимый Дервиш! – проговорил Адашев громко вслух. – Мои друзья начинают скучать, может, им есть занятие повеселее, чем на лошадок смотреть?

– О, прошу гостей оказать мне честь! – тут же сообразил Дервиш-Али. – Рашид! Рашид-бек! Что ты так далеко там сидишь внизу! – крикнул Дервиш, как будто не он определил это место послу. – Поднимайся к нам! Своди-ка дорогих гостей – князей Петра и Семена – в баню. Вот она стоит на окраине, последний сруб. Затоплена, только гостей там и ждут!

Рашид с готовностью и дипломатичностью повел Серебряного и Микулинского вниз по ступенькам. А Адашев, дождавшись, пока соратники удалятся, в сопровождении двух мурз и хана Дервиш-Али начал продвигаться по ступенькам вверх.

– Великий государь Московский и всяя Руси Иоанн относится к земле Казанской отечески и разорения не желает! – начал беседу Алексей Адашев. – Желает наш царь лишь справлять дела по старинной правоте своей.

– Какую же правоту имеет московский великий князь над ханством Казанским, жемужиной в святом ожерелье Ислама и ростком на дереве династии Чингиса? – учтиво поклонившись, отвечал Чапкын Отучев. – На весах Вселенной чаша Казани может и перевесить московскую. За нас Орда! За нас Крымский хан и османы! За нас Ногайская степь! Черемисские и

сибирские властители за нас! С выполнимой ли задачей ты приехал, досточтимый посол Адашев?

– Известно ли тебе, бек, сколько мурз каждый год под крыло Москвы перебегает? Одно Касимовское княжество на Оке чего стоит. Чаша Казани тяжела, это ты верно заметил, и испить ее не пожелаешь никому. Нет сильной власти в Казани – прости, царица Сююмбике, и да простит хан Утямыш, – но это так! Крымцы, ногайцы, арские и лесные князьки грабят людей сверх меры, не дают жизни. Потому мурзы к нам и бегут!

– А какая печаль русскому государю до наших казанских бед? Царь жалостлив?

– А забота такая. Казань чинит разорение Руси каждое лето. И нет силы, которая бы успокоила эти ватаги, подчинила бы. По нашим счетам до трех десятков тысяч полоненных русских в Казани на рабстве. Торговля по Волге встала, купцам через Казань пойти опаснее теперь, чем в загон к медведям прыгнуть.

– Чего хочешь ты, посол, от нас? – вступила в разговор Сююмбике, поглаживая по головке играющего тут же на ковре Утямыша. – С чем прислал тебя Иоанн?

– И я смею повторить вопрос. Почему царь Московский по-отечески на нас смотрит? Не самонадеян ли он по молодости? – насупился Отучев.

– Государь Московский именуется еще и царем Болгарским и прочее. Известно тебе это, бек? Еще со времен великого деда его Иоанна Третьего Булгар Волжский, а значит, и Казань – под властью Москвы. И кому править Казанью, то в Москве рядят. А к тебе, царица, и к тебе, бек Чапкын, такое дело: чтобы на собрании дивана донесли вы добрую волю царя московского. А воля такая. Принять на ханство в Казани хана Шах-Али из Касимова до того, как Утямыш в силу войдет. Всех полоняников русских по домам пустить без оговорок. С ханом Шах-Али разместить в Казанской крепости две сотни детей боярских с челядью. Вот и все условия.

– Что получим за уступчивость, посол Алексей? – спросил Отучев.

– Будут сняты все заставы царские с Нагорной стороны и из Черемисских лесов. Угодья и промыслы вернутся казанским бекам и мурзам.

– Я оглашу условия русского царя на заседании дивана, посол! – сказал Отучев. – Начнутся скачки, давайте посмотрим на лучших всадников лесов и степей!

– Когда обратно в Москву отправляешься, любезный посол? – вполголоса спросила Сююмбике.

– Нам задерживаться долее в гостях смысла нет. Когда совет знатнейших и мудрейших людей Казани примет верное решение, тогда встретимся еще раз в городе вашем, а не в поле.

– Я попрошу передать письмо государю Московскому и всея Руси. Доставишь?

– Я послан направлен и обязан передать. Доставлю в самые руки Иоанну.

– Завтра жди от меня посланницу. Прощай, посол Алексей.

Тем временем кончились скачки – главное зрелище сабантуя, к которому готовятся в каждом крупном селении, выставляя на состязание лошадь и наездника. Русская делегация не стала дожидаться восхвалений и наград, адресованных лучшему всаднику – арскому князю Епанче. Адашев со спутниками залезали кто в седло, кто в повозки и поворачивали в долгую дорогу. Князь Серебряный поравнялся на коне с Адашевым.

– Ну как попарились в баньке, князь Петр?

– Так эти варвары затейники! Говорят – баня жаркая! А там в бане девок полон дом! – басил Серебряный.

– Ну и что же, не понравились тебе девки?

– Девки ладные, молодухи. Как сказать... рубаху задрал и плотское хотение утолил. Князь Семен тоже, думаю, не сплеховал, довольный едет! Ты-то как, Алексей? Не зря время потратил?

– Я, князь Петр, тоже по-своему семя излил. Думаю, заронил я семена сомнений и раздумий татарам в голову. А что из того прорастет – увидим.

– Женский ум – скудная почва для ростков таких. У Сююмбике одна печаль, чтобы малец рос без обид, баба...

– Эта баба просила передать князю Серебряному и тебе, князь Семен... Отстал, что ли, Микулинский? – обернулся Адашев. – Так вот, царица Сююмбике просила передать князьям, что стрельцы, убитые на Арском поле отрядом Епанчи, в феврале, и с ними еще некоторые, кто при осаде poleg, упокоены с честью и по христианскому обряду. На Арском поле отпеты попом православным и захоронены в день памяти ярославских чудотворцев.

Серебряный был поражен и не мог этого скрыть.

– Ну вот уж... кто мог думать такое! Поклон царице Сююмбике! Придет время, церковь поставлю на месте этом.

К темноте достигли путники переправы через Волгу. У переправы их поджидала бойкая круглолицая девушка с лицом донской казачки. Выяснив, кто тут царский ближний, она вручила с поклоном Алексею Адашеву деревянную шкатулку вытянутой формы.

Большая стройка и сплав

По берегам Верхней Волги растекалась живая строительная речь, не всегда приемлемая для нежного слуха.

– Вот смотри, что это ты смастерил?! Смотри, бестолочь! Это что за уклон, сучье вымя! – распекал Александр Молога молодого плотника.

– Ну че, Иваныч... лестница, че не так-то? – сопел, разглядывая носки своих чувяк, детина с топором за поясом.

– Куда лестница, для чего?

– Подниматься на это... наверх...

– ... у тебя будет подниматься наверх, а не лестница, ... твою мать!.. – красиво выразился Молога и обернулся на внука. – Ты, Сергуля, поди к Василию сходи, я тут пока объясню.

– Я не маленький, давно уж на стройке с тобой, – откликнулся подросток, отошел шагов на пять, но к Василию не пошел, а продолжил смотреть и слушать деда.

– Ладно, Костя, не супься, зови всю бригаду! – сказал мастер, поставил ногу на пенек и закурил трубку, критично осматривая собранную из бревен огромную башню с фрагментами крепостной стены по обеим сторонам. Сзади подошел иностранный инженер Бутлер, выделявшийся среди всех своим чудаковатым беретом. Манерным поклоном поздоровался Бутлер с Мологой, мастер тоже кивнул.

– А, ты здесь, розмысл немецкий. Ну тоже постой, полезен будешь.

Две дюжины бородатых, прокопченных солнцем и ветром подмастерьев и разнорабочих, кто воткнув топоры в колоды, кто – засунув за пояса, собрались вокруг мастера.

– Вот наверху, там, на стене, кто будет ходить во время войны? – начал Александр Иванович.

– Пушкари, стрельцы... – отвечал Костя-бригадир. – Лучники и эти, кто смолой да кипятком врагов будет поливать! – кликнул кто-то из мужиков.

– Верно, потому как это боевой ход. А кончится у них припас, как им новый принесут?

– По лесенке! – отвечал Костя.

– А если раненых, убитых нужно с боевого хода снять и одновременно припас нести, то как? – хмурил брови Молога. – А если надо быстро? Тебя татары будут ждать, что ли, пока ты штаны заправишь и по лесенке пойдешь?

– Ну а как?

– А так. Лестница в башне она навсегда, пока стоит башня. По ней в мирное время дозорные ходят на боевой ход, туда и сюда. А когда займется дело, тут не до ходьбы уже, тут бегать нужно. Туда бежать и тащить вчетвером котел с кипятком – обратно бежать раненых тащить. Туда пушку да ядра бегом – обратно пустые котлы возвращать. Битва ждать не будет, тут кто быстрее. Так что делать нужно не лестницу, никто в своем уме к пряслу лестниц не приделывает. Нужен боевой взбег – вот такой широкий помост с такими прибитыми прогонами, чтобы не скользить. Поняли?

– Поняли, приколотим до вечера этот... взбег! – отвечал Костя.

– Не надо колотить, его сделать надо приставным. Крепким, но приставным, потому как в мирное время он не нужен, но наготове быть должен. Давай разбирай свою эту... и делай взбег! – Александр Иванович повернулся к Бутлеру. – Правильно я говорю?

– Да, то есть так! – с акцентом на «а» заговорил иностранец. – В Европе лестницы только в башнях, больше нигде. Стена хороша по толще своей, удобно на боевом ходу работать с огнестрелом. А по высоте... можно и пониже, ведь основная задача – устоять перед артиллерией, так, мастер?

– Не совсем так! Пониже можно сделать и по месту будет, да нежелательно. Наши супротивники законы войны знают и европейские, и другие. И кто его знает, чего ожидать от этих бывших ордынцев.

– То так, да! – размысл, акая, дотронулся до края берета и удалился.

– Сергуля, идем! – махнул Молога и таким широким шагом пошел дальше по стройке, что мальчик за ним еле поспевал. Дед и внук поднялись на Красную Горку – холм за околицей одноименного села. Здесь стоял стрелецкий разряд Василия, сюда вскоре должна была прийти весть о прибытии в Углич царя Иоанна.

– Вот это да-ааа! – протянул Сергуля, наполнившийся свежим ветром и восторгом от увиденного. Куда только хватало взгляда, везде простиралась сказочная картина: стоял совершенно новый город, срубленный из бревен. От Красной Горки до села Алтынова на горизонте и до Золоторучья, что за Волгой, почти у самого Углича стояли крепостные башни и стены. Всего башен, оштетинившихся бойницами и голыми стропилами, Сергуля насчитал восемнадцать. А кроме них еще деревянная шатровая колокольня, какие-то избы, вероятно, для жителей или для ведения ремесел.

– Дедуля, это же больше, чем Казань, наверное!

– Это больше, чем даже Московский Кремль, Сергуля! – сказал дьяк Выродков, тихо подошедший сзади.

– Здравствуй, Александр Иванович!

– Здравствуй, Иван Григорьевич!

Зодчие обнялись.

– Ну как, Александр Иванович, успеваешь к сроку?

– Мои вторая и четвертая башни, что на Свягу, готовы, осталось прясла добрать. Успели.

– Нужно церковь собрать к приезду государя. Приедет – обязательно спросит, память у него на указы долгая. А церковь Троицкую он при тебе наказывал делать в самой сердцевине Круглой горы.

– Нешто мастер Самойло не сделает к сроку? Церкви-то ему отряжены в работу, а нам башни, – сказал Молога, поджимая губы и хмуро глядя в сторону за Волгу.

– Ну, не хмурься, Иваныч! – Выродков положил руку на плечо Мологе и старался поймать взгляд старика. – Самойло боярам на Варварке срубы-светлицы ставил да церковь домовую, вот лучшие заказы и выклянчил. Перевернулся намедни на лодке у стрелки речной, да в холодной воде и потонул. Так что, Иваныч, заканчивать его церковь тебе да твоим мужичкам.

– Нет, Иван Григорьевич, заканчивать его замысловатую постройку под пятиглавие долго, да и нелепо. Крупные церкви потом ведь построят из камня, зачем сейчас огород городить. Распорядись его незаконченную постройку на бревна для стен пустить, авось успеют перерубить. А я сделаю добротный сруб с одной главкой на восьмерике, чтобы как свечечка над Волгой и Свягой стояла.

– Давай, Александр Иванович, не подведи. И руби церковь не «в чашу», а «в лапу», чтобы уж свечка твоя ладная была.

– Не впервой, Иван Григорьевич, понимаем, где храму стоять и кто придет туда на службу. «Ласточкин хвост» тебе такой будет – сто лет простоит!

Тут разговор двух зодчих был прерван Сергулей, который бежал к деду, прижимая к груди правую руку и сморщив лицо, как гриб. Пока шел разговор, мальчик засмотрелся на стрельца, как тот ловко точит лезвие своего бердыша. Легко, звонко ходил по металлу точильный камень в руке немолодого усатого бойца. Сергуля подошел и вежливо попросил поточить и его топорик. Надо сказать, что мастер Молога очень надеялся вырастить из внука продолжателя профессии и подарил ему небольшой, но удобный топор с чуть изогнутым лезвием и топорщиком из красного дерева. И, в общем, много простых вещей мальчик уже знал. Умел,

например, рубить острым топором по сосновому дереву, даже скорее резать его, как масло. Знал, как больно отдается в руке березовая доска, если тяпнуть по ней неумело. Уважал дуб, но тот его плохо слушался. Любил мастерить по липе.

Стрелец, конечно, в два счета подточил мальчику его оружие. Сергуле так понравился процесс, что он попросил попробовать. «Ну на камень, доведи сам до остроты», – сказал стрелец и передал Сергуле точильный камень. Ах, как приятно было вжикать им по металлу, и без того остро отточенному, подражая старшему закаленному бойцу. Туда-сюда, вжик – раз, вжик – два... на вжик-пять рука соскочила, и мальчик с нажимом провел четырьмя подушечками пальцев по острому как бритва лезвию топора. Долю мгновения он ошалело видел, как разрезы на пальцах почти до костяшек были белыми, потом через них хлынула кровь. Боль пронзила мальчишку через виски и позвоночник до самого копчика, и, отойдя от шока, он побежал к деду, единственной его защите в этой жизни.

– Морока ты моя! – воскликнул мастер, увидев морщившегося и подпрыгивающего на одной ноге внука с зажатой рукой. Молога поискал глазами, нашел кустики подорожника, сорвал несколько листков. Потом с усилием надорвал подол своей рубахи и резким движением оторвал целую полосу ткани.

– Давай сюда пальцы! Вот так, придержи подорожник, он и кровь остановит, и заразу. Вот, замотаем, так. Все, сейчас пойдем на ужин.

За столом среди стрельцов Сергуля с перевязанной рукой чувствовал себя героем. Стрельцы наяривали деревянными ложками полбу на сале и жареном луке и подбадривали подростка короткими репликами: «После боя подкрепись!», «Сколько татей порубал?», «А недругам крепче досталось?»

– Работать толком сегодня не можешь, так останешься щепу жечь и смолу варить! Это и одной рукой можешь, мешать палкой. Да не обожгись хоть! – скомандовал Молога внуку.

– А ты, деда, куда? – пробурчал, доедая кашу, Сергуля.

– Мы с Костей-плотником и его бригадой до зимника. Помнишь, где в мороз валили дубраву, где бревна кромили? Вот отберем нужные для церкви, к темноте вернемся.

– Ясно! – сказал Сергуля, заныкал себе за пазуху четвертушку черного хлеба и побрел к плотницкому становищу.

Разогревать котел со смолой в жаркий апрельский день – занятие простое и скучное. Щепок от плотницкой работы остались целые кучи, и занимались они огнем охотно. Тишина, потрескивание костра. В почти летнем мареве с ближайшей кочки взлетел и поднимался жаворонок, стрекоча своими крылышками и заливаясь трелью. В такое время непременно хочется квасу или сбитня и просто посидеть, побездельничать. Сергуля поднял большой деревянный ковшик, поперекадывал из руки в руку, понял, что перевязанной рукой тоже можно его держать, и пошел к бочке с питьем. Пошел и остолбенел: у бочки стоял узкоглазый невысокий и весь обросший человек с кривой саблей за поясом и с луком через плечо. Из-за сарая вышли еще четверо таких же, может, только менее узкоглазых и не таких черных. Казанцы? В глаза Сергуле бросились одинаковые сапоги незваных гостей: с загнутыми вверх носами, каблуками и шпорами. Вероятно, их лошади были привязаны где-то неподалеку.

– Якши, якши. Хороший... – проговорил слащаво первый. – Все ушел, да-аа? Один остался, да-аа? С нами ехать будешь, все показать, дорога показать. Будешь хорошо – живой будешь. Тихо, тихо!

В памяти у Сергули были еще остры воспоминания о зимних приключениях на Свяяге.

– Щас сломится! – совсем без акцента сказал один из них и стал заходить Сергуле за спину.

– Он хороший, он не бежать! – с уверенной улыбкой сказал первый и начал сворачивать узел на веревке. «Еще мгновение, и будет поздно!» – кольнуло Сергулю в мозг, он кинул в первого ковш – тот, конечно, уклонился – и рванул что есть мочи вниз, по склону, к лесу.

«Казанцы» кинулись следом. Кобелек Стрижок, лежавший до этого как распластанный на солнце коврик, вскочил и с лаем кинулся за Сергулей. Ответили собаки и из Алтынова, поднимался шум. Один из «казанцев» почти настиг несущегося во весь опор мальчишку, остальные трое бежали по краям, не давая увильнуть. Откуда Сергуля взял такой прием – сам не знал, да только, добежав до ручья, он не стал прыгать, а сложился и сел, втянув голову. Бегущий за ним по пятам пнул мальчика в спину и перелетел его верхом, ломая камыши, плюхнулся в ручей. Остальные прыгнули на другой, топкий бережок ручья, провалились в вязкую, дурно пахнущую смесь песка с тиной. Пока нападающие с хлюпаньем вытаскивали сапоги, а упавший вставал и выбирался из ручья, Сергуля бежал что есть силы в обратном направлении. Боль от удара в спину, порезанные утром пальцы – все это было забыто и не важно. Прижатая за зиму снегом уже подсыхая прошлогодняя трава придавала движениям пружинистости, и преследователи были не близко. Вдруг откуда-то из-за куста выскочил радостный Стрижок, виляя хвостом и тьякая, он вцепился Сергуле в штанину и стал ее трепать и тянуть.

– Этого не хватало! Гадская псина! Отстань! Забью ремнем! – Мальчик отчаянно дергал ногой, но пес и не думал отцепляться – для него это была игра. Пытаясь двигаться дальше, Сергуля с ужасом увидел, как расстояние между ним и «казанцами» сокращается, он даже разглядел наглую ухмылку того, кого обнаружил первым. А тот, первый, остановился, снял лук и стал целить в мальчика. Сергуля прекрасно понимал, что обнаружил лазутчиков, и оставлять его живым они не будут. Первая стрела прошла мимо вдаль. Вторая легла уже на тетиву, когда в лицо стреляющего врезался топор.

– Че за дело? А ну сюда-аа! Поганые! – Это двое ростовских подмастерий неподалеку распиливали бревно, услышали шум и кинулись на помощь мальчику. «Казанцы» выхватили сабли, плотники взялись за топоры и сошлись трое на двое, потому как один из лазутчиков лежал согнувшись, обхватив обеими руками щеку и подбородок и выл. «Казанцы» неплохо владели саблями, но ростовчане со своими топорами будто родились и ничуть не уступали в бою. Сергуля старался тоже участвовать. Сначала кинул в одного из врагов свой топор. Тот парировал саблей. Потом бросил камень, потом еще. На звук ударов железо об железо с разных сторон подбегали еще мастера и рабочие, кто с топором, кто с лопатой или дубиной. Отступить «казанцам» было уже невозможно. Встав спина к спине вокруг раненого, с саблями в левой руке и кинжалами в правой, они отбивались по кругу умело. Но большинство рабочего люда стало уже настолько подавляющим, что обороняющихся сначала забили длинными шестами и закидали всем, что попало под руку, а потом просто смяли. Пешие стрельцы Василия вместе с командиром подоспели, только чтобы спасти их от слишком скорого самосуда и оттащить особо рьяно пинавших, но это не удавалось.

– Забить басурман! Они опять по деревням прошлись! Полон наших ведут! – Рабочие весь свой генетически накопленный ужас перед пришельцами с Востока пытались вылить на этих четверых.

– Всем по местам! – рявкнул подъехавший на подводе Александр Иванович так, что запряженная лошадка присела и завертела ушами. – Кто разрешил работу бросить? Собрали топоры и пилы и на леса! Давай, давай! Все, и ростовские тоже, на работу. Сюда, к Оликурчюю. Мои волокут бревна, ростовская ватага – доски пилить будет. Ширину-толщину... Костя где? Константин-плотник укажет. Я на рассвете размечу, и за три дня должна быть церковь.

Направив всех по делам, мастер быстро навел порядок. Теперь дело было за Василием.

– Ты и ты за мной пойдете к парому. Там на подводы и в Углич, – указал он двум ростовским мужикам, которые первыми вступили в схватку. – Этих... – он показал на избитых «казанцев», – вязать руки за спину и рогатками по двое!

Через короткое время цепочка людей потянулась вниз, к реке.

А дедушка и внук присели на толстое бревно. Солнце садилось куда-то за Красную Горку, справа кричали чайки над стрелкой Волги и впадающей речки Корожечны. Александр Иванович примял табак в трубке и закурил, неторопливо пуская дымные облачка. Потом раскрыл свою душегрейку и завернул в нее Сергулю, обхватив широко большой и сильной рукой. Сергуля прижался к деду как можно сильнее, и не было для него в целом свете никакого более уютного и надежного убежища. Не было ничего роднее этого запаха табака, уверенного голоса, морщинистых загрубевших рук. Сергуля вдруг вспомнил про хлеб за пазухой, запрятанный туда за обедом.

– Дедуля, ты ел? – спросил он, разворачивая тряпочку. – Бери, ломай!

– Нет, внучонок! Ты сам ломай и ешь. Или пальцы болят? Может, тебе разломить?

– Да я кусать буду. Дедуля, а вот куда журавли летят? – Высоко в вечеряющем небе показалась вереница птиц.

– Это не журавли, это гуси. Слышишь, даже оттуда гаканье такое доходит, а у журавлей клекот.

– А чего они тут не садятся? Воды полно вокруг.

– Гуси могут дальше на север, у них перья да пух плотные. А на севере, может, еды им побольше, вот и летят туда. Может, до Бела-озера, а может, и до самой Свири дотянут.

– А чего они не клином летят, как журавли?

– Гуси тоже клином летают, просто вожак устал. Места знакомые, вожак может и передохнуть. Идут вереницей, или еще косяком называют. Ломаной такой линией, чтобы каждого видно было и никто не отстал, не пропал.

– Деда, а вот где ты родился, это... это где?

– Куда солнышко садится там и родился. В Тверских местах. Там речка, где можно острогой ткнуть в воду и сразу пару рыб выгачить. Хорошие места, богатые, сытные!

– А мне милее наше Напрудное, Неглинка, Москва-город. Это, наверное, потому, что я там родился, да?

– Да и я прикипел к Напрудному, а ты и вовсе ничего не видел, кроме него. Хотя теперь видел! – поправился Александр Иванович.

– Да, видел уж почти всю Русскую землю и Казанскую видел. А вот ты, деда, расскажи, как я родился?

– Ну как все, от мамки. Ходим же с тобой на кладбище, мама твоя – моя дочь Елена и бабушка Нюра там лежат. Все знаешь сам! – сказал Молога и уставился немигающими глазами на ближайший ивовый куст, будто увидел в нем что-то невероятно страшное.

– И папку моего тоже крымцы убили, когда напали, да?

– Всех убили, мы с тобой остались. Ты ничего другого не хочешь спросить?

– Как-то там у нас, в Напрудном?

– Все ладно там, наверное. Раз плохих вестей нет. Плохие вести, они быстро приходят. Ты вот что, крошки подбери и спать. Завтра будем ставить церковь. Ты мне три дня и три ночи не мешайся, но все время рядом будь. Хватит мне волнений. Работа будет спорая, царю напоказ.

– Хорошо, дедуля. Я пойду Стрижку дам и спать!

Стрижок крутился рядом, виновато поглядывая на Мологу-младшего и осторожно повилявая поджатым хвостом.

– Иди, есть дам, морока моя! – позвал Сергуля пса и, подражая дедовой походке, отправился в плотницкое становище. Стрижок, подпрыгивая и поскуливая, побежал рядом.

Царь в Угличе

Объезд построенного близ Углича нового города, раскинувшегося по обеим сторонам Волги, царь Иоанн решил начать с противоположного берега. Чтобы государь со свитой мог пересечь водную преграду, за день до высочайшего приезда был сооружен мост: широкий деревянный настил, уложенный по плавающим в воде бочкам.

Первым на коне ехал дьяк Выродков, за ним царь Иван с Андреем Курбским и английским гостем – бароном Джеймсом Куком, чуть позади Петр Серебряный и Семен Микулинский; позади, в красиво украшенной закрытой повозке, запряженной парой лошадей, ехали протопоп Сильвестр с сыном Анфимом, замыкали процессию тучный хан Шах-Али с двумя касимовскими всадниками и боярин Ушатов, в вотчине которого стройка и происходила. Позади и по бокам вельможной колонны ехала конная царская охрана. Царь смотрел на построенные по его указу башни и стены, рядом с которыми были выстроены мастера и подмастерья, готовые к монаршей оценке.

– Смотри, великий государь! Стены и башни собраны из дубовых бревен. Рубка велась зимой. Боевые ходы башен и стен позволяют разместить как лучников, так и пушкарей. Широкие бойницы как раз для новых пушек, которые придут летом с пушечного двора. Далее идут собранные строения для служб: кузница, конюшни, избы для стрельцов, царская изба, наместническая изба – все готово, только разобрать и отправить... – докладывал Выродков.

– Постой, а это церковь? О, узнаю старого и малого мастеров. Подойди, старик! – окликнул Мологу Иван. – И ты, юнош, иди сюда. Ну так как, готова церковь для самой середки горы Круглой?

– Батюшка-государь! – с глубоким поклоном начал Александр Иванович, – храм сделан с таким расчетом...

– Ну-ка, иди сюда, младший! Ты мне расскажи, сколько простоит церквушка, которую ты с дедом смастерил? – перебил Иван. Сергуля, держа обеими руками шапочку у шеи, смотрел во все глаза на царя:

– Великий государь! Мы очень старались! Мастера у нас хорошие, рубят так, чтобы прикрыть торцы стволов от воды и порчи. И ставить будем так, чтобы воду не сосала. Простоит, батюшка-царь, и нас переживет!

Все присутствующие охнули, даже как-то отшатнулись от мальчика. Ведь про царскую жизнь и правление положено отзываться как о вечности.

– Дельный отрок! Как его зовут, напомните! – обернулся Иван к дьяку Выродкову.

– Мастера зовут Александр Молога, а это внук его Сергей! – с готовностью выпалил дьяк.

– Мологов внук Сергей, значит. Хорошо. Учти, Мологов Сергей, это первый православный храм в Казанском крае будет! А вера наша православная должна на века стоять крепко! – проговорил царь и повернулся к англичанину. – Замысел сей большой, хочу, чтобы с самого начала видел ты, друг мой, какая история тут творится! Видел и передал и живущим ныне, и для потомков. Батюшка Сильвестр, – обратился Иван уже к протопопу. – Ты осмотри храм на предмет удобства для службы и божьей милостью благослови. А ты, Анфим, сочти расходы, не забудь милости мои созидателям. Оплату за сделанное тебе поручаю. Едем в Воскресенский монастырь, тут нечего больше смотреть! – указал царь, и вся процессия начала разворачиваться в обратный путь.

– Великий государь! Зачем же в монастырь? – подскочил к царю боярин Ушатов. – В моих палатах все уж готово для встречи высочайшего гостя! Прошу, не обидь милостью!

– Бояре взяли за правило поучать, мол, царь-отрок, царь-малец! – для всех, хитро улыбаясь, громко сказал Иван. – А к тому не смышлены, что коли слово царское сказано, то ими

должно быть исполнено немедленно. Ничего, привыкнут и мысли наперед читать, коли жить захотят. Сказано – в монастырь!

Процессия двинулась за Волгу, а боярин Ушатов кожей спины почувствовал, что над ним сгущаются тучи.

В большой трапезной палате Воскресенского монастыря царь слушал приближенных. Первым говорил князь Серебряный. Вдоль стены под стражей стояли пленные четверо «казанцев» со связанными за спиной руками.

– Город, который зачинить на Круглой горе на Свяге намеревались, готов стоит. По большой воде сплавлять нужно все по Волге вниз. Печаль одна: теперь в Казани о городе узнают. Тысяча разбойника Епанчи Арского прошла изгоном по Ярославским и Угличским землям. Узнали на Москве поздно, вдогон пошли, да не догнали. И ведь, стервецы, подобрались к самой стройке. Четверых-то мы поймали, да сколько тех, кто видел все, а мы их не поймали? Все в Казани известно будет, затворятся теперь, насторожатся. Виноваты, в общем, государь.

– Что сказали эти, кого вы поймали? – спросил Иван заинтересованно.

– Молчат! Мы уж их на муравейник садили, все равно молчат. Или муравьи нынче вялые еще?! – возмутился Серебряный.

– Молчат они у тебя, у тебя! Ты ж, Петя, на бой способен, а на тонкие дела что дитя. – Царь обернулся к своей службе. – Поставить котел на дворе, воды налить, чтобы по колению было, не более, когда кипеть будет! А игумен нас пока угостит!

На лице Ивана заблуждала сладкая мимика, как будто во рту его была вкусная конфета. Монастырские служки начали подавать на стол, а четверо широкоплечих из царского сопровождения пошли выполнять приказ. За ними следом выволокли и связанных.

После недолгой трапезы царь со спутниками вышел на высокое крыльцо. На дворе все было приготовлено для дознания. Четверо «казанцев» стояли на коленях. Лица их были опухшими явно от укусов насекомых, видно было, что их действительно подвергали пыткам муравьями.

– Возьмите-ка вот того, черного! – указал своим подручным Иван.

– Начинайте!

Дюжие парни с засученными рукавами рубах с двух сторон крепко взяли обреченного и по ступеням подняли на помост, оттуда на весу опустили за одежду в котел. Вода парила. Царь указал одним движением, и на помосте было установлено кресло. Иван уселся на его край, нагнувшись к пытаемому так, чтобы только жар от горевших под котлом сучьев не был слишком навязчивым.

– Смотри на меня! Сейчас ты скажешь, кто послал тебя. Под каким началом ты пришел в Углич? Что хотел, для чего вертелся у новых срубов? Что должен был сделать и кому дать весть? Сейчас будет горячо и больно. Хочешь вылезти – говори! Хочешь купаться – твоя воля!

– Ты, вожак собачьей стаи, чего морду вытянул, чего унюхиваешь! Хочешь узнать, как твоя песья стая передохнет? – пытаясь улыбаться, сказал казанец. От такой неожиданной дерзости все окружающие дернулись и примолкли. Только Иван, казалось, был доволен происходящим и еще ближе нагнулся к котлу.

– Добавьте дров, нашему гостю банька нравится! – сказал он, улыбаясь. – Много ли воинов у Епанчи? Ты ведь с ним пришел? А куда он отправился теперь?

Вода в котле покрылась мелкими пузырьками и стоящему в ней по колени все труднее было сохранять самообладание. Он наклонил голову вправо, чтобы пот не заливал глаза.

– На каждую твою бешеную собаку есть стрела! И на тебя хватит, собака с капающими слюнями!

– Князь Петр! – окликнул Иван князя Серебряного. – Ну где ты? Иди ближе. Я не нравлюсь гостю, он меня собакой ругает. Поговори с ним ты, спроси о делах.

Серебряный нехотя, не глядя на мучающегося, подошел. Меж тем вода вскипела, и боль даже для мужественного бойца стала нестерпимой. С налившимися кровью глазами казанец кинулся к краю котла. Стоящий рядом стражник толкнул его в плечо крюком багра. Казнимый упал на бок в кипятком, вскочил и дико, гортанно закричал. Бросился опять к другому краю, вновь получил тычок. Человека варили заживо, а он как мог инстинктивно сопротивлялся.

– О чем я спрошу этого, батюшка-государь! Дозволь рубану, чтоб уж не мучился! – просяще пробасил Серебряный.

– А дай-ка я, государь, спрошу! – поднялся Курбский. – Эй, связанные! А кто еще хочет купаться? А может, кто поговорить хочет?!

– Я, я! – Один из «казанцев», перебирая разбитыми коленями, пополз к Курбскому. – Спаси, Бога ради!

– Молчи, приبلудная свинья! – донеслось из котла. Среди кипящей пены и запаха обваренной кожи казанец смог еще приподняться на колени и взглянуть одним страшным глазом вокруг. Искаженное кипятком и болью месиво, недавно еще бывшее лицом, издало невнятный вопль, схожий с арабским ругательством и, дернувшись, скрылось за паром. Котел еще конвульсивно дергался, когда второго пленного поставили на ноги и подвели к Курбскому.

– Хорошо, но... быстро! – сказал царь, откинувшись на кресле. – Ну что ж, князь Андрей, дознавайся ты!

Пленному поднесли чарку с водой и дали отпить. Сделав несколько жадных глотков, он начал скороговоркой вещать.

– Господине, я все скажу. Я русский, я Юра из Коприна села. Пять годков тому с дружиной детей боярских Ушатовых под Казань ходил. В войске Московского государя... Крепко оторвались мы тогда от полка, на татар ушли версты на две. Попали, как зайцы в силок, татары взяли, увезли на посад. Держали как скотов, в холоде, в голоде, кое-как живы остались...

– Ты к делу веди, как в отряд Епанчи угодил? А то котел-то еще тепленький! – показал Курбский пленному большим пальцем назад.

– У Епанчи никогда в отряде не были. Рашид-бек наш хозяин. В смысле... мой хозяин. Он нас у бая забрал, в крепости в сарае у Ногайских ворот держал, допрашивал. Как узнал, что дети боярские у него в рабстве-то, взял меня с собой на Москву. Он послом тогда у Московского князя был. Там свиделись с князем Ушатовым. О чем шел торг-беседа, не ведаю, только решил Рашид-бек послать меня с этими двумя... с языками резаными – они только мычат потому, с дервишем Сахибом – которого сейчас запытали... в общем, сыновей князя Ушатова Ивана и Данилу доставить на вотчину.

– Доставили? – с усмешкой спросил царь.

– Мы ехали с отрядом Епанчи. У него и правда не меньше тысячи всадников было. Шли после Нижнего по левому берегу, в Костромской земле пожгли деревни. В Угличской тоже.

– Ты, значит, русский, Юра! Значит, своих грабил и насильничал, русский?! – зарычал князь Серебряный.

– Я не трогал никого, батюшка-господин! Мне велено было довести... вот до Угличской земли да указать, где для нова града лес рубят...

– Ты не спеши, Юра. Попей еще. Развяжите ему руки! – скомандовал Курбский. – Рассказывай, значит, ты всех в Углич привел, и...

– Я привел не всех. Отряд Епанчи в лесу за Дивной горой оставался в одном переходе. Я с сынами княжескими, с Сахибом и этими... За околицей у Золоторучья дом для охоты, изба. Там с князем Ушатовым встретились. Сыновья на коней и уехали, в Углич, видно. А князь с Сахибом без меня говорили, о чем не знаю.

– Ты все рассказал, Юра? – спросил Курбский.

– Все.

– Да не все. Что делать-то вам велели у срубов? Чего забыли на постройке-то?

Юра молчал, опустив голову.

– Знаешь, Юра. Помыться тебе надо. Вот сейчас будем зачерпывать кипятку из котелочка да на спинку тебе. А потом ледяной водичкой. А потом снова кипятком. Вот память-то просветлеет, если наперед шкура лоскутьями не сойдет. Давайте кипятку! – крикнул Курбский.

– Не надо! – отшатнулся пленник. Сахиб велел запалить как можно более срубов на Красной горке да в Алтынове. А как тушить все бросятся, да нас искать на этой стороне, по той стороне Волги по Золоторучью Епанча пройдет, а если бы повезло, то и по Угличу. Рашид-бек только наказывал палаты боярские не трогать, по уговору.

– И если бы не мальчик, то так бы оно и было?! – не то спросил, не то поведал Андрей Курбский.

– Хорошо поведано, а, боярин Ушатов! – сказал Иван. – Иди-ка поближе, Петр Иванович. Отопрись теперь, скажи, что врет предатель!

– Мне отпираться не пристало! – сказал боярин с достоинством. – Сыновья мои, дети боярские, постарше тебя, великий государь. Нет ведь дороже ничего, кроме своих-то детей. Спас их как мог, а теперь суди меня.

– Да ты, Петр Иванович, не только о сынах подумал. Ты хотел двух уток одной стрелочкой убить. Кабы про поджог да про сговор твой никто не прознал, все свалили бы на Епанчу. А что?! Каждый год Епанча да такие же товарищи-разбойники балуют по Руси, а Русь горит, горит! А тебе, у которого пол-вотчины бы сгорело, государь московский милости бы всякие насыпал, да? Приполз бы, погорелец, жалко бы стало тебя. Так рассчитал?

– Великий государь, не позорь, Христом Богом прошу. Я родовитый боярин, князь, от Юрика, как и ты, веду колена. Одного леса моего на постройку сколько ушло, да людей – все отдал...

– Твоего леса! Кончится твой лес и род твой кончится. В предательстве спасение хотел найти! – Царь встал с кресла и скомандовал страже: – Увести боярина Ушатова. Три дня подержать в клетке возле палат, чтоб все, кем он тут правил, посмотреть на бывшего властелина своего могли. А потом отправить на Москву. Там дознаемся, не сговорился ли наш боярин еще с кем!

– А тебе все баловство, великий государь! Для потехи с казанцами воюешь, людей губишь, детей сиротишь! Все вернется тебе! – прокричал князь Ушатый, которого уже вели под руки стражники.

– А тебе чего бы хотелось, Юра? – спросил его милостиво Иван.

– Покаяться в грехах! Прощения просить, великий государь!

Игумен поднялся со своего места и обратился к царю:

– Государь наш, опора и надежда православная, прошу, только не в обители это покаяние. И так уж казни устроили в Боговом месте!

– Ну что же, уважим игумена, святого человека! Отведите пленных за стены монастырские и дайте им покаяться! – отдал приказ Иван.

– Благодарствую, государе! Великий государь милостив! Там церковь, да? – заверещал Юра, кланяясь и заглядывая в глаза окружающим. Его и остальных двух пленных вели к воротам. Последнее, что он увидел в своей жизни, это закатная пойма Волги и взмах шестопера, которым царский стражник ударил его в висок. Остальные двое погибли одновременно от ударов топорами в затылок. Плюханье о воду тел, сброшенных в ров у монастырской стены, подняло на крыло копавшуюся до этого в тине цаплю. Птица с шумом разрежала воздух, описала дугу и полетела в сторону плесов.

В мечети тихо

Высокие стрельчатые арки малого зала мечети делали его зрительно гораздо выше, чем он был на самом деле. Умело набранные французскими мастерами витражи с сурами из Корана причудливо преломляли солнечный свет и разноцветными отблесками украшали стены. Большой зал главной казанской мечети, где происходил намаз и сотни правоверных воздавали хвалу Всевышнему, был еще красивее и торжественнее, но именно здесь, в малом зале, сеид Кул-Шариф мог молиться в одиночестве, думать, писать или проводить важные встречи. Зал был построен по примеру Черной палаты, которая когда-то была одним из мест сосредоточения власти в Древних Булгарах. В нем также было четыре входа по сторонам света. Но здесь, в Казани, все было выше, тоньше и изысканнее. Лучшие мастера мусульманского зодчества из Северной Африки трудились над созданием этой мечети и вложили в нее весь опыт и умения.

Высокая и статная фигура сеида Кул-Шарифа, казалось, была важнейшей составной частью всего архитектурного образа. Легким жестом он пригласил бека Чапкына Отучева, мурзу Камая, князя Епанчу и посла Рашида расположиться на кожаных топчанах, стоящих полукругом.

– Я хочу выслушать подробно о планах и делах Москвы. Как исполнен мой наказ, князь Епанча?

– Благословенный сеид, посланник Пророка! – Епанча встал и поклонился. – Ты волен казнить меня, наказ твой не выполнен. Твои посланники были обнаружены и казнены. Князь Ушатов, который за выдачу сыновей обещал содействие, в опале отправлен на Москву. Мы сожгли лишь десяток деревень и привели скромный полон. Всех рабов под стенами крепости на Ташаяке ожидает твой осмотр: выбери, хоть всех заberi.

– Садись, князь. Усомниться в твоей верности и отваге может лишь безумный. Говори ты, Рашид-бек! Всех ли благочестивых наших людей мы потеряли на Москве?

– Милостивый сеид, отражение Аллаха на земле! – Рашид вскочил и закланялся быстро и часто. – Из потерянных лишь дервиш Сахиб показал себя верным воином ислама и умер достойно! Но на Москве есть еще люди ханства, и цепь вестей не прервется. Царь Иван повелел следующее. Весь срубленный под Угличем город сплавлять по Иделе вниз. Все уже разобрано, помечено и уложено в плоты. И еще... Главной ладьей плывет новый наместник, назначенный царем Иваном на Казань.

– Вот как? – Кул-Шариф приподнял бровь с удивлением. – Кто же из русских осмелился принять на себя начало над великим Казанским ханством?

– Нет, не русский. Татарин. Шах-Али, хан касимовский!

– Аллах услышал мои молитвы! – Сеид воздел руки вверх.

– Верно ли я понял тебя, великий? – развел руками Чапкын Отучев. – Ты благословишь этого жирного шакала на ханство? Помнишь ли ты его прошлое царствование?

– Помню, помню, уважаемый бек! – отвечал Кул-Шариф со спокойной улыбкой. – И мыслю не на одно лето, а на столетия!

– Прости великодушно воина, великий сеид! – поклонился Епанча. – Нет ли у тебя сомнений в нашей силе? Мы не пустили неверных в крепость два года назад, не пустим и теперь. Терпеть русского наместника люди казанские смогут. Стиснут зубы и стерпят. Но чтобы манкурт Шигалей... бунт будет, арские не стерпят точно! Прости, но это так!

– Ты сказал то, о чем я думал годы, достойный Епанча! Ты настоящий сын татарского народа, верный, с горячим сердцем. Люди устали от войны, люди бедны. Многие беки лишились дохода от торговли не только на Иделе, но и на Каме. Пустить русского наместника придется все равно, чтобы дать отдых, пополнить амбары и табуны. Если бы пришел русский лис Адаш или Микулин – они сели бы в городе тихо, смотрели бы по сторонам и выжидали. Посы-

лали бы грамоты-доклады Ивану. Кто-то из людей смирится, будет рад худому миру. Но Шах-Али – дело совсем другое! Он мечтает, во сне видит власть над Казанью. Он помнит, как его, как шелудивого пса, выкинул с престола Сафа-Гирей, благословенна память о нем! Он ничтожен, поэтому захочет мстить и доказывать величие свое. Этого народ не стерпит, народ его снесет вместе с русской властью. Когда ставленник Москвы будет врагом, то врагом будет и Москва, на курултае призовут на ханство крымцев или ногайцев. Придут тысячи воинов и вышвырнут Москву обратно, в дремучие леса на Оку. Где ей и положено сидеть.

– Ты велик, сеид Кул-Шариф! Велик не только благочестием и близостью к Всевышнему, но и умом непревзойденным! – с поклоном воскликнул мурза Камай. – Совет дивана примет верное решение, Шигалея примут ханом над собой, верно, бек Отучев?

– Не только наместника требует принять Москва, но и отпустить всех своих рабов, взятых по городам и весям русским! – строго проговорил Отучев.

– Отдать рабов?! – воскликнул с наигранным удивлением Камай. – Но кто работать будет? Как без них строить? Как пахать? Кто будет делать грязную работу за скотом?

– Отдать рабов... – в задумчивости протянул Кул-Шариф и повернулся к окну. Тень с очертаниями его благородного профиля с персидской бородкой легла на мраморный пол. – Работать некому будет... это еще ухудшит положение беков и ускорит бунт. Главное, чтобы все понимали, что плохо стало, когда Шах-Али пришел править. Да, через семь дней после воцарения Шах-Али, когда до каждой стороны ханства доскачет вестник о том – отпустить всех русских рабов. Всех!

После совета у Кул-Шарифа бывший посол Рашид-бек и мурза Камай пересекли двор мечети, обогнули садик медресе, где под сенью огромных лип вокруг каменного стола сидели и писали что-то два десятка мальчиков в тюбетейках, кивками ответили на приветствие знакомого имама в чалме и через арку ворот вышли из крепости. По широким каменным ступеням они спустились с холма к рыночной площади Ташаяк. После аристократичной прохлады Соборной мечети базар выглядел слишком суетно, ярко и многоцветно. В аркадах каменных торговых рядов располагались бухты разноцветных тканей и развалы с орудиями и оружием. На растяжках были развешаны кожи. Сама площадь была занята деревянными лотками с навесами, под которыми торговцы прятались от палящего солнца. Тут были разложены восточные украшения, сладости вперемежку с разноцветной ближневосточной посудой. Далее шли ряды с пряностями, ударял в голову запах жарящегося тут же мяса. Поодаль выстроились возы с сеном и скучающими рядом деревенскими мужиками. Дополняли картину снующие хаотично русые мальчишки с кренделями, баранками, пирожками на прикрепленных к поясу коробах и продавцы кулонов-шамаили, сидящие у входа в небольшую деревянную мечеть. Несколько раз обернувшись, Рашид и Камай преодолели рыночную толчею Ташаяка и вышли к Тайницкой башне.

Перейдя ров по качающемуся цепному мостику, они вновь вошли в крепость через широкий портал под нависающей над головами осадной решеткой. Дюжина бойцов городской охраны сидели прямо на мостовой, рядом со своими, составленными пирамидкой, копьями, кидали в круг какие-то костяные шары и время от времени всплескивали мужским хохотом, не обращая внимания на отдельных прохожих.

– Нам не стоит идти прямо по улице, иначе не было смысла делать крюк! – сказал мурза Камай. – Можно пройти через Нур-Али, оттуда есть вход в ханский двор!

Мрачная громада мечети Нур-Али, выложенная из грубо обработанного камня, с узкими крепостными окнами, стояла слева от Тайницкой башни как свидетель аскетичного боевого прошлого.

– Ты думаешь, там не найдется людей сеида? – усмехнулся Рашид-бек. – Нет, нам нужно как можно меньше глаз. Когда-то мне довелось сопровождать Сафа-Гирея по другому пути. Алла бирса, он сохранился.

Рашид вернулся к Тайнинской башне, раздвинул кусты колючего боярышника и заглянул за выступающий пилон. Потом сделал знак Камаю и зашел за выступ. Низкая дверь после нескольких толчков поддалась настолько, чтобы можно было просунуть руку в щель и сдвинуть засов, после чего оба начали спускаться в узкий проход. К удивлению Камая в подземном коридоре не было кромешной тьмы. Через щели в своде внутрь проливалось ровно столько света, чтобы не споткнуться. «А ведь, идя по улице, и не скажешь, что под тобой кто-то ходит», – подумал Камай, но вслух ничего не сказал.

Скоро подземный ход вильнул вправо, и путники, нагнувшись, чтобы не удариться головой, вошли в просторное помещение с факелами, расставленными по углам. Основную часть этого зала занимал бассейн с водой, в который вливался узкий, но непрерывный поток воды, стекающий с каменной стены. Возле бассейна стояли вооруженные стражи, следившие за работой чудного механизма: вокруг деревянного колеса на скрипучей оси двигалась кожаная лента, к которой на коротких цепях были прикреплены ведра. Окунувшись, наполненные до краев, они поднимались и исчезали в темноте, а пустыми уже возвращались обратно.

– Это тот самый источник, который питает чистой водой ханский дворец, бани, кухни военного гарнизона и многое другое! – пояснил с улыбкой Рашид изумленному Камаю. – А ты, мурза, думал, воду в крепость только из Казанки носят?

Подземное пространство оказалось анфиладой примыкающих друг к другу залов. Следующим на пути оказалась комната, по длинным сторонам которой располагались арки с деревянными дверями, некоторые были открыты, тут что-то грузили рабочие под присмотром приказчика. В данном случае пояснений не потребовалось. Было очевидно, что за дверями находились ледники для хранения рыбы, мяса и еще каких-либо припасов.

Следующий зал был меньше предыдущих и имел два проема по бокам. Проход направо, за которым начиналась лестница вниз, был перегороден опускной решеткой. Проход налево, на винтовую лестницу, ведущую вверх, был открыт. Преодолев несколько десятков ступеней, Рашид и Камай оказались на первом этаже ханского дворца. Проходящих мимо служащих нимало не удивили двое мужчин в дорогой одежде и при оружии, которые без всякого приглашения оказались в резиденции властелинов Казанского края. Только у дверей, ведущих во внутренний двор, навстречу пришедшим устремился пожилой слуга-секретарь.

– Прошу досточтимых беков сообщить имена, титулы и причину, по которой они нарушают покой великого хана!

– Ты что, старый Хафиз, ослеп на старости? – Тут уже вышел вперед мурза Камай. – Не узнаешь правителей ханства?!

– Аллах мне дал единого правителя ханства – хана Утямыш! Других не знаю.

– За незнание пойдешь на скотобойню убирать кишки! Не место тебе во дворце! – кипятился Камай. Рашид же, напротив, не хотел лишнего шума.

– Мурза Камай очень устал от важных дел. Я, посол Казани на Москве, Рашид-бек, пришел вместе с ним доложить великому хану о важных делах. Передай ему нижайшую просьбу принять нас и выслушать!

– Ожидайте здесь! – указал Хафиз и с достоинством удалился, прикрыв за собой украшенную великолепной резьбой дверь.

– Срывать свою злость на прислуге – признак неуверенности, мурза! Ты нервничаешь? – спросил Рашид.

– Я в бешенстве, если мне указывают, что делать, когда я знаю сам!

Наконец обе резные двери отворились, и слуга Хафиз провозгласил: «Великий казанский хан Утямыш и его мать, царица Сююмбике, просят войти!»

Внутренний дворик ханского дворца наполовину был залит полуденным солнечным светом. Воздух был наполнен ароматом теплой хвои и цветов. На искусно устроенных клумбах краснели тюльпаны. Под карликовой сосной бусинами порванного ожерелья раскинулись цве-

тушие ландыши. Райскую картину своим журчанием дополнял небольшой фонтан из светло-серого мрамора с желтоватыми прожилками.

В теневой стороне дворика за несоразмерно большим столом сидел мальчик в желтом китайском халате и белой тибетейке. Рядом у стола стояли две няни.

– Ханум Сююмбике! Великий хан не хочет доедать ни кашу, ни лапшу! Скажите хану, что у него не будет так никаких сил! – проканючила одна из няnek. Сююмбике подседа рядом с Утямышем.

– Улым! А ты знаешь, что стол стоит на крылышках ангелов? – нежно спросила красивая черноглазая женщина.

– Как это? – округлил глаза Утямыш и полез под скатерть.

– Да, да. Ты их не видишь, но ангелочки держат стол на своих крылышках! И когда ты плохо кушаешь, стол давит им на крылышки. Им больно, и они плачут. Вот сейчас – я слышу – они точно плачут.

– А вот так им полегче? – спросил мальчик, доставая из лапши ложкой кусок курицы и отправляя в рот.

– Конечно, улым. Когда все съешь, им будет легче.

– А тогда пусть Гульнара быстро уберет со стола кувшин и тарелки, и они не будут плакать!

– Вот когда в твоей тарелке не останется ни одной лапшинки, тогда Гульнара все и уберет. И всем будет легче!

– Позволь пожелать тебе добра и света, Сююмбике. Здоровья великому хану Утямышу! – нарушил наконец эту идиллию Рашид. – Прости, что нарушаем ваш покой!

– Мы пришли решить дела! – пробурчал Камай. – Убери ребенка и прислугу!

– По твоей грубости, Камай, вижу, что дела сложны! – напряглась Сююмбике. – Хан Утямыш останется здесь с его людьми, а мы можем пройти в Ковровый зал.

Обезоруживающая нежная улыбка Сююмбике озаорила красотой и без того солнечный дворик. Царица грациозно встала из-за стола и прошла в соседнюю комнату. Камай вошел за ней и закрыл дверь.

– А мы пока поиграем с ханом Утямышем, да? – сказал Рашид и стал плескать водой из фонтана. – Вот пчелка села на цветок, а мы ее раз – улетела пчелка. Иди, попробуй так же! Давай вместе!

– Давай! – Утямыш подошел к фонтану и сначала осторожно, потом веселее стал брызгать тоже.

– Сююмбике, ты хочешь, чтобы Утямыш стал настоящим ханом? – спросил отрывисто Камай.

– К чему это? Он и так хан, совсем настоящий! Возрастом скоро окрепнет!

– Ты думаешь, что Шигалей оставит твоего сына на троне?

– При чем здесь этот несчастный изгнанник?

– Этот изгнанник скоро станет казанским ханом и твоим хозяином! Ты и Утямыш будете не царствовать, а выполнять его прихоти. Ты думаешь, он забыл, как твой муж вышвырнул его и подлых касимовцев из Казани?

– Может ли это быть? Нет, не верю! Сеид не будет читать благословенный намаз.

– Кул-Шариф только что согласился впустить Шигалея в Казань и благословить на ханство! – Камай подошел к женщине так близко, что ей пришлось отпрянуть назад. – Этот манкурт может разорить Казань и ее земли, растратить казну и обесчестить людей! Но этого может и не быть, Сююмбике!

– Я превратилась в слух. Ведь ты пришел решить дело? Говори. – Сююмбике отодвигалась все дальше от неприятного ей мужчины. Не то чтобы от мурзы Камае исходил какой-то неприятный запах или он был неопрятен: просто это был чужой запах, неприятные жесты, оттал-

квивающая мимика. Тем не менее он придвигал свое покрасневшее лицо все ближе к Сююмбике, и это тоже ей было противно.

– Есть выход! Стань моей женой!

– В своем ли ты уме, досточтимый Камай?.. – Сююмбике пыталась владеть собой, но улыбка становилась немного натужной. Камай крепко взял ее за руки и притянул к себе.

– Если мы объединим наши силы, мы не пустим никакого Шигалея в город, даже если и сеид будет не против этого жирного борова. Меня уважает знать, я из славного рода Усейнов. Тебя и сына твоего любит народ. Да и отец твой не даст вас в обиду, у хана Юсуфа, говорят, всегда наготове до двадцати тысяч отборных всадников, да?

– Тебе нужна я в жены или мой отец с войском?! – Сююмбике вырвала руки, но бороться хрупкой женщине с крепким зрелым мужчиной было трудно. Камай схватил ее за талию и фактически прижал в угол.

– Мне нужна власть, мне нужно место в первом ряду Совета дивана. И ты... ты нужна... хотел бы я видеть мужчину, у кого не прерывается дыхание от твоей прелести! – Камай уже навалился на Сююмбике, похотливо вдыхая ее запах. Женщина умудрилась вырваться и кинулась к двери. Дверь оказалась заперта или привалена чем-то снаружи – толчки и удары не привели ни к чему.

– Один из славного рода Усейнов точно оказался мерзавцем! – выпалила она, обернувшись.

– Ты думаешь, Рашид-бек зря остался снаружи? Наивная женщина. Два раза побывала замужем и ничему не научилась... сейчас я научу тебя... – Камай сбросил на ковер пояс с саблей и, слащаво усмехаясь, приближался к Сююмбике. – Наивная женщина, оставила ребенка неизвестно с кем! Тебе нужно быть ласковой со мной, тогда с маленьким ханом все будет хорошо, может быть... – Камай схватил царицу за шею и за шелковый пояс, пытаясь повалить, она изо всех сил отбивалась, царапая нападающего куда попало.

– Улым! Улым, беги! – крикнула она в сторону двери. Когда Камай все-таки повалил женщину на пол и навалился сверху, одновременно с треском рвущейся ткани распахнулась дверь в комнату. На пороге стоял стройный князь Епанча, явно не готовый к такой сцене.

– А, ты!.. – прорычал мурза Камай с досадой и с неожиданной быстротой выхватил свою саблю из ножен. – Нннаа!.. – замахнулся мурза на удар, способный разрубить от плеча до пояса. Но Епанча привычным животным прыжком оказался прямо перед Камаем и нанес ему резкий короткий тычок левой рукой в грудь, и в ту же секунду сокрушительный удар в зубы. Обмякший Камай выронил саблю, свалился на колени и начал безуспешно хватать воздух разбитыми в кровь губами. Сююмбике, освободившись от омерзительной тяжести, рванулась из комнаты с возгласом: «Утымыш! Сынок!».

– Не волнуйся, царица! – поклонился стоящий посреди двора седой слуга Хафиз. – Хан Утымыш уже на своей половине, с наставником. А тот бек, который пришел с... другим беком, он ушел.

Во внутренний дворик вбежали десяток бойцов дворцовой охраны с полуобнаженными саблями у поясов. Епанча тем временем помог Камаю подняться, сунул ему в негнущиеся руки пояс с саблей и, поддерживая, вывел во дворик.

– Помогите уважаемому человеку найти выход на улицу! – скомандовал он охранникам. Сююмбике подтверждающе кивнула, и Камай в сопровождении вооруженных людей, сторбившись, удалился.

– Как ты узнал, что мне нужна помощь? – спросила тихо Сююмбике, осматривая порванный рукав своего платья, когда они остались во дворике одни. – Ведь мы почти незнакомы. Ах, да! Скачки! На сабантуе я тебя видела!

– Царице Сююмбике незачем знать всех скромных князей ее обширной земли, это мы почитаем и любим нашу царицу и ее царственного сына! – с легким поклоном, приложив руку

к сердцу, ответил Епанча. – Все просто. Я задержался на совете в мечети у Кул-Шарифа, а когда вышел на улицу, как раз напротив главного входа в твой дворец, увидел, как твой слуга машет руками и что-то втолковывает охране. Я просто оказался немного быстрее их.

– Значит, это Хафиз позвал на помощь? Но откуда он знал..?

– Хороший слуга знает наперед все опасности, подстерегающие хозяина, ну... хозяйку! – засмеялся Епанча.

– Сотник дворцовой стражи сегодня же ответит мне за такую службу! – сдвинула черные брови Сююмбике.

– Не наказывай никого, царица! И не хмурься, ты так красива, когда улыбаешься!

– Тут разучишься улыбаться вовсе! – вздохнула Сююмбике и лучезарно улыбнулась.

– Нет, тебе, прекраснейшая, это не грозит! Как мне не грозит разучиться наживать себе врагов! Береги себя и сына, царица! – Епанча еще раз поклонился, повернулся и уверенно зашагал к выходу.

– Но... но зато ты знаешь, что у тебя сейчас появился друг! – крикнула вдогонку Сююмбике без уверенности, что лучший воин Казанского ханства ее услышал.

Приплыли

Сергуля стоял на носу второго струга, входившего в устье реки Свяги. Была середина мая, и на северных склонах Услонских холмов еще лежал снег, но ветер, смешанный с дымным запахом от пала травы, был уже приятным, даже ласковым. После долгих осенних и зимних месяцев, проведенных на строительстве бревенчатых сооружений под Угличем, почти вслед за ноздревато-серыми льдинами, по большой воде отправились вниз по Волге подмастерья и рабочие Александра Ивановича Мологи. За их судном шли бревенчатые плоты – будущие первые башни и церковь на Круглой горе. На первом струге, шедшем под прямым парусом, силуэтами выделялись статные фигуры князя Серебряного и его верного богатыря Фуфая. С ними, Сергуля точно знал, плывет монах Макарий из Троице-Сергиевой лавры, а с ним два молодых послушника – почти ровесники Сергули, Петя и Федя. На третьем струге, плывшем позади, в полный рост стоял мурза Аликей Нарыков, и весь корабль этот, включая гребцов, был заполнен вооруженными казанскими татарами, состоящими на службе в Москве.

Струги подходили к самому пологому месту Круглой горы, единственному пятаку, где можно было выйти на землю во время половодья.

– Хорошо, деда! – протянул Сергуля, не узнающий и, в то же время, узнающий свияжские места.

– Чего же хорошего? – отвечал Молога, нахмурив брови. – Мужиков на берегу мало! На горе кусты да перелески торчат, бугры не сровнены! Это ж мы не успеем к приходу больших плотов!

– А я не про то, дедуля! Вокруг-то хорошо! Вспомнить, как тут зимой давешней было – жуть же берет! А сейчас – тепло, водица вокруг, гора Круглая – что остров в окяне! Ой, смотри, дядя Вася на Маруське по берегу гарцует!

На берегу и правда стрелецкий сотник Василий, готовый к встрече князя, одной рукой давал указания, другой держал под уздцы свою рыжую кобылу. Рядом прядали ушами и подергивали лоснящимися в закатном солнце спинами два оседланных вороных мерина для князя и для ожидавшегося хана Шах-Али. Первым на берег, вернее, в мелкую воду легкого прибоя, выпрыгнул Стрижок, который стосковался в дальней дороге. Сергуля упросил деда не оставлять пса в Угличе, и теперь Стрижок, трясая висячими ушами, был вполне доволен и вился под ногами.

– Здравия желаю, княже! – воскликнул Василий, вытянувшись в струну у морды своей лошади. Князь Серебряный, спрыгнувший на берег, не ответил на приветствие, а быстро вскочил в седло и, уверенно причмокнув и тронув коня стремями под бока, начал подниматься вверх по склону, давая по ходу указания Фуфая, оседлавшему второго мерина.

– Здоров, Александр Иваныч! – шагнул навстречу спускающемуся мастеру Василий. – Здорово, Сергулька!

– Здравствуй, Василий! – ответил Молога. – Как добрались?

– Так мы от Нижнего с полком Серебряного шли на Васильсурск, потом напрямик на Медведково. Полк там стоит, с запасом лошадей, с пушкарями и пушками, с фуражом – в общем, как надо. Медведково не узнать! До пяти десятков изб насчитал, курами-гусями, крупным скотом разжились переселенцы-то. Мужиков сюда согнал на работы, землянки тут устроили с запасом и печь для варева, для прибывших тоже. А вы как-то?

– А мы идем по большой воде, да малыми плотами. Где сам командовал, как сбивать, что с чем – то на воду спускать, то с нами идет. Вон там! – Мастер обернулся, показывая на подходящие с заката плоты. – А что без меня пустили, то застряло у Глебова, на мелях. Пока дождались прибавления воды, потеряли три, а то и пяток дней. А ведь спешить надо!

– Спешить надо, это точно, Иваныч! – подтвердил непохожий на себя серьезностью Василий. – Вы, мастера, поспешайте за князем, он суров что-то! А я дожусь третьего струга – и за вами. Это же Шигалей-хан на третьем? Эй, на струге! Где Шигалей? – сложив руки рупором, крикнул Василий. Судно подошло довольно быстро и рядом с двумя предыдущими ткнулось в мелкую гальку.

– Мурза Аликей Нарыков с тремя десятками охраны! – представился молодой татарин с тонкими усиками, переходящими в тонкую же ухоженную бородку.

– А где хана потеряли? – не унимался Василий.

– Добрый воин! Пресветлый хан Шах-Али изволил отбыть пешим путем через Рязань. Старой дорогой на Великий Булгар. На Итиль – на Волгу должен он выйти со своим касимовским войском и полком боярина Микулина возле Тетюшской засеки. Оттуда и пойдет, как подобает хану, вступать на престол!

– Ну ясно! Шигалей пойдет на кресле сидеть, меды распивать, а воевода Семен будет его от ногайцев с тыла прикрывать! – пробурчал Василий под нос.

– Ты что-то сказал, богатырь? – окликнул его мурза Аликей. – Одолжи-ка мне лошадь, храбрый воин!

– Не одолжу! Сам на службе! Сбор на холме, поспешайте! – сказал недовольно стрелецкий сотник и направил свою Маруську в гору.

Длинный майский день уже повернул к закату, а князь Серебряный еще только начал давать указания. В кругу внимающих официальной части приказов стояли и Молога с Сергулей.

– Волею государя Московского, великого князя и царя всея Руси Иоанна! – объявил Серебряный. – Как было указано в году семь тысяч пятьдесят восьмом от сотворения мира, в феврале месяце нашим государем основывается крепость, нарекаемая Ивангород. Первым строением быть церкви во имя Святой Троицы! – Князь перекрестился троекратно. – Зодчему мастеру Мологе церковь сотворить немедля, прихода дьяка Выродкова не дожидаться. Под началом инока Макария... батюшка Петр, иди сюда. И ты подойди, зодчий. Разметить крепостным способом землю от церкви и до бровки под подворье Троице-Сергиевой лавры. Немедля огородить и стенами начать строиться здесь, по длинной стороне. Ворота дубовы ставить здесь... – князь показал рукой, – и здесь запасные. Внутри стен ладить избу для братии да учесть, что иноков и послушников больше прибудет. Для трапезы избу. Для склада зелья и ядер. Кузницу поставить за оградой, там же конюшни с левадами. С тобой, зодчий, пока все. Приступай поутру!

Батюшка Макарий! – обратился князь к святому отцу. – Поскольку грамоте разумеешь ты и два твоих послушника, бери на себя труд переписать приходящие Волгой орудия и припасы. Их будет много. Теперь ты, Фуфай, и ты, сотник, как тебя..?

– Василием кличут! – выпалил Василий.

– Ну вот, Василий. Ты бери к своей сотне еще одну сотню из моих нижегородцев, и всю Круглую гору окружить. Чтобы муха не пролетела ни туда ни сюда. Как сыроядцы заявятся, а куда они денутся – заявятся, с ними так: шаманов без вопросов топить в Волге. Кто креститься не захочет – тако же в Волгу.

– В Свягю, князь-батюшка! Свяга тут, куда указываешь! – подсказал подобострастно оказавшийся тут лесной князек Муркаш.

– А, ты тут уже, Муркашка! – рявкнул Серебряный. – Того, кто умнее князя себя казать станет, того топить в Свяге!

– А кто милости будет просить, под руку русского царя встать – того как? – бухнулся на колени Муркаш.

– Кто добром придет, того к отцу Макарию. Я же обещал тебе той еще зимой, Муркаш. В Волге... тьфу, да хоть в Свяге покрестят вас, клочки лесные свои забудете – именами благообразными нарекут. И работать, как православным заповедано, во славу Божию.

– Истинно так, – закивал головой отец Макарий. – Собери-ка ты, лесной человек, своих хоть вон там, у крутого берега на той стороне. Туда сам своих шаманов-берендеев приводи. Там глубоко должно быть, там все наказы князя Петра и исполним. А чистые душой, принявшие Бога в сердце, оттуда сюда переправятся. Верно, князь Петр?

– Вернее некуда, отец. Тут на Круглой горе уже только православные быть должны! – согласился Серебряный. – Теперь ты, Фуфай. На подготовку один день. Паромы через Волгу для пеших и конных чтобы по Горной стороне у Гремячего ключа стояли. Пощупаем казанских посадников, пока защитнички не подошли, должки раздадим. Ступай, оповести все стрелецкие и конные приборы.

– Слушаю, господин. Все будет как наказано! – тихо сказал Фуфай и с легким поклоном удалился.

Все разошлись обустриваться и на ужин, а Сергуля с дедом пошли на противоположный конец острова. С высокого обрыва, куда только хватает глаз, видны были излучины и плесы реки, залитые водой луга, превратившиеся весной в целый архипелаг маленьких островков.

– Свяга! – протянул Сергуля. – Дед, а Свяга это от того, что вьется и свивается, как большая змейка?

– Может, и так. А может, от названия маленьких уточек, которые наверняка в этих местах гнезда себе строят. Уточки такие, они и у нас в Напрудной водятся, свияги.

– Дедуля! А куда дальше течет эта Свяга?

– Не куда, а откуда. Текут они с Волгой рядом, да с разных концов. А тут встречаются.

– Дедуля, ну ты не сердись! – Подросток заглянул деду в глаза. – Ты мне дорасскажи про мамку с бабулей. Ну посекали их крымцы, да? Обоих разом? А вот на могилках-то годики разные стоят. Значит, не разом? Ну, скажи уже один раз, и отстану!

– Скажу, скажу! Взрослый уже, раз спросил – и ответ сдюжишь. – Молога закурил. – Мамку твою, дочь мою Елену, крымцы не посекали. И меня, вишь, не тронули, хотя я с топором на них один вышел. Приглянулась Елена знатному крымцу, забрали ее. А потом отбили. Полк князя Горбатого осенью того же года под Тулой с крымцами сошелся, разбил их и полон наш забрал, по домам пустил. Елена вернулась в Напрудную с тобой уже, ну то есть ты в животе сидел. Тебя на свет родила, а саму Бог прибрал. Намучилась она. Вот потому и разница в годках на могилках-то.

Сергуля стоял как пораженный молнией.

– То есть, дедуля, ты скажи. Папка мой нехристь, что ли? Басурманин?

– Главное, сынок, ты у меня есть. Хороший, умный, рукастый. Крещеный как положено. Чего еще надо? Ну пойдем еще посмотрим. Помнишь, царь Иван зимой той указал тут вот ставить обитель в честь Пресвятой Богородицы. Памятлив царь, сказывают, значит, обитель будет стоять. Каменная.

Всю ночь Сергуля не спал. Его душили обида и злость к захватчикам.

– Чего не спишь, братец! – спросил Сергулю шепотом монашек Федя. Они ночевали в одной землянке.

– Федь! А тебе не обидно, что наши полки князь поведет на врагов, а мы с тобой будем тут просиживать. Ты писарем, я подмастерьем. Не обидно, а?

– А чего ты можешь сделать-то? Мы же не воины.

– Ну, а чтобы воином стать, чего нужно, как думаешь? – не унимался Сергуля.

– Хорошо бы пику или саблю иметь. Лучше пику, наверно. А лучше и саблю, – прикидывал вслух Федор. – Да где взять-то?

– Завтра дед меня на кузню посылает, двух рабочих с собой, наверное, даст. Гвозди, петли, переметы железные понесем. Ты с нами давай. Я тебя кликну. Я пока с кузнецами буду говорить, ты тисни там пару копий, а если повезет, и саблю. Они же там оружие правят.

– Что ты, это же воровство!

– Так ты же не себе для наживы, врагов же бить! – уверенно сказал в голос Сергуля.

– Тише ты! – шепнул Федя. – Ладно, завтра зови. Пойдем на кузню, а там посмотрим.

Будущие воины легли спина к спине, укрылись большим куском мешковины и заснули.

Утро было пасмурным. Моросил дождик, и с воды тянуло влажно и тиновато. На Круглой горе шла разметка земли под сооружения Троице-Сергиевского подворья. Несколько рабочих с топорами и ломачами корчевали пни и коряги. Место под Троицкую церковь было свободно, и тут Александр Иванович всю командовал двумя дюжими подмастерьями, которые наматывали на локти веревки, потом разматывали, ходили с гигантскими треугольниками и выкрикивали понятные только им и Мологе меры длины в локтях и вершках. По склонам холма десятки мужиков устанавливали жерди и брусья, по которым предполагалось потом закатывать наверх бревна, прибывающие плотами. Как поток муравьев по весенней черемухе шли по Свяге лодки разных размеров от Круглой горы к Медведкову и обратно. Чтобы не было мешанины на реке, ближе к середине установили бакен на якоре, и бакенщик на плоскодонке крутился около него, поддерживая огонь в масляной плошке с колпаком. Сергуля, проспавший как положено по такой погоде, крутился возле мастера.

– Дедуля! А давай я с рабочими в Медведково съезжу, а?

– Что ты там забыл? – не оборачиваясь и не отрываясь от работы, спросил Молога.

– А вот гвозди, скобы нам нужны. Я привез бы!

– Гвозди нам не нужны, на деревянных шпонках будем работать. Скобы пока тоже не нужны. Пока разметка идет, потом сваю забьем на пробу, чтобы землю почувствовать. Не к спеху скобы.

– Ну а я пока там в кузне бы все обговорил на потом! – канючил Сергуля.

– Да не морочь ты мне голову! – обернулся наконец на внука Александр Иванович. – Вот моток веревки, бери. К этому кольшку привяжи и мотай вон до того, где Костя стоит. Там привяжи и на угол отматывай, вот сюда. Ну, давай! Эй, Константин! На десницу поправь, натягивай ровно! – продолжил свое дело мастер и на уловки внука не купился. Сергуля понуро, приподняв острые плечи, под холодным дождем поплелся в дальний угол будущей церкви, разматывая веревку.

– Ну че, не пустил тебя дед? – случился вдруг рядом монашек Федор.

– Не пустил, – буркнул Сергуля. – Не нужны нам гвозди, нужно вот ходить с веревкой по грязи.

– Я вот чего подумал! – Федя заговорщицки наклонился к уху Сергули. – В стрельцы нас не возьмут, точно. Там все на подбор, друг друга знают в строю. Да и кафтана под полковой цвет не подберем. А вот я наемни слышал, как княжеский Фуфай черемисскому князю Муркашу втолковывал, чтобы он проявил если не удаль, то верность. Чтобы согнал с окрестных деревень разный народец, без спросу и разбору. Всем им выдадут оружие, это верно знаю.

– В одном отряде с инородцами? Как-то страшно, признают за русских да прогонят! – Сергуля пожал плечами и сделал на лице маску недоверия.

– Кто там разбирать будет?! Шапку на глаза поглубже надвинь да не вылезай вперед. И вообще, кто первый хотел идти на казанских?

– Я хотел. Хочу. Когда идем-то?

– В ночь сегодня. Сбор на той стороне реки будет, это мне старец сказал. – Хочешь, отпрошу тебя у деда? – осмелел вдруг Федор.

Сергуля задумался.

– Нет, не надо. Не отпустит все равно. Уходить надо по-тихому.

Под вечер, когда мастера и подмастерья уж ополоснули свои миски и ложки после ужина, мастер Молога вместе с бригадиром Костей и двумя старыми плотниками прикидывал что-то у костра. Рассуждали, что срублена церковь «в чашу», хотя велено было по-другому. О длине трапезной, перевязке с восьмериком. Сергуля сказал деду, что, мол, идет к отцу Макарию помогать, что было чистой правдой. Монах вместе с двумя послушниками грузился в лодку со всем необходимым, чтобы через пару дней на противоположном берегу организовать обряд крещения. Туда же были с утра отправлены несколько плотников, чтобы срубили для этих нужд подобие охотничьей заимки и часовенку. Когда Сергуля прыгнул в лодку после погрузки, Макарий, конечно, поинтересовался, куда это он с ними на ночь глядя. Но Сергуля с готовностью схватился за весла, а Федор коротко пояснил, что, мол, отрок добровольно помогать вызвался. «Ну храни тебя Господь», – перекрестил Макарий Сергулю и улегся подремать на носу.

К ночи на поляне между двух отрогов холма собрались сотни две мужчин, разные по возрасту, росту, одежде. Было очевидно, что люди эти не держали в руках более кровопролитного оружия, чем тесок для сбора грибов и ножик для пускания сока у берез. Собравшуюся, гудящую нечленораздельно толпу кольцом окружили стрельцы с пищальями и бердышами. В свете костров были видны две конные фигуры: князек Муркаш и старший дружинник князя Серебряного Фуфай.

– Народ лесной и луговой! Слушай! – обратился к стоящим неровно Фуфай. – Не храбрости, но верности ждет от вас князь! Явите верность Московскому великому государю, и будете пожалованы милостями. Каждому шубу дарует царь, князя вашего Муркаша в Москве привечать будет. Покажите себя в бою с казанцами, и жизнь ваших детей под рукой Москвы будет спокойной и сытной. А вы награждены будете деньгами богато! У паромов получите оружие!

Муркаш кивал в такт короткой речи Фуфая, а по окончании сказал несколько слов своему, развернул коня и дал рукой знак всем следовать за ним. Сергуля и Федя, наблюдая за всем этим со стороны, поняли, что если и смешиваться с этим нестройным войском, то только сейчас. Пригнувшись, они пробежали вдоль кустов и там, где круг стрельцов был неплотен, быстро протолкались через двух-трех человек, оказавшись как бы не с самого края толпы. Через короткое время, по началу движения стрельцов, люди тронулись в путь. Им предстояло под бдительной охраной пройти с десятков верст, спуститься к тому месту, где в Волгу ронял свои хрустальные воды Гремячий ключ и на паромах-плотах переплыть на сторону Казани.

Уже светало, когда усталая молчаливая толпа добрела до места. Когда стрелецкиедесятники прокричали: «Отдых!», все разошлись, а многие повалились на траву. Сергуля достал из-под душегрейки флягу, вынул пробку и начал набирать ключевую воду. Федор пил воду, зачерпывая из ручья двумя ладонями, а многие из лесных людей просто легли животами на волжский бережок и пили воду из реки, сплевывая попавший в рот песочек.

В течение дня на берег сгоняли еще и еще множество людей диковатого вида. Вечерело. Сергуля и Федор откровенно скучали, играли в ножички: кидали в землю небольшой ножик, стараясь воткнуть его в фигуру, нарисованную товарищем-противником. Ладно хоть нудный дождик перестал докучать. Вдруг раздался шум, в толпе почувствовалось шумное волнение. С криками «Расступись!» в середину поляны закатили четыре огромных котла, от которых исходил пар и запах каши на сале. Следом заехала телега, на которой валом лежали караваи не сегодняшнего черного хлеба. И если кашу бородатые мужики в белых рубахах раздавали в миски, выстраивая какое-то подобие очереди, то к хлебу толпа кинулась, уподобившись зверской стае. Через несколько мгновений толкотни и борьбы телега была пустой, а хлеб разобран и разорван на части. Надо ли упоминать, что привыкшие к степенным трапезам, один в среде плотников, другой – в монастыре, Сергуля и Федя остались без хлеба. С кашей было попроще. Собственные миски и ложки были у парней с собой и главное было аккуратно вылезти из толчеи, не вывалив полученную пищу. Мысли о том, что они находятся не совсем в таком войске,

с которым они мечтали громить басурман, посетили мальчиков каждого в отдельности, и от этого противно зануло на душе. Но признаться друг другу в своих мыслях они стеснялись, поэтому ели свою кашу молча, присев подальше на подсохший пригорочек. Еще тоскливее сделалось, когда спустилась ночь. Парни вместе со всеми стояли на ногах, теснясь возле паромов, ожидая своей очереди. Перед самым заходом на плоты оружейники выдавали каждому орудие убийства. Копья кончились быстро, на первых рядах. Сергуле в руки сунули какое-то подобие мотыги на длинном древке с заостренным до блеска передним концом и тупым задом. Федор получил нечто подобное и смотрел на Сергулю круглыми глазами.

– Это что, молоток такой? Как этим воевать?

– Похоже на кирку, какой камни добывают, только тоньше и острее! – сказал Сергуля, пробуя острие оружия пальцем на остроту.

– Это клевец, казачки! – произнес сзади хриплый русский голос. Мальчишки обернулись. Перед ними стоял невысокий жилистый мужичок, из сорта таких, что в драке обычно оказываются сильнее, чем выглядят внешне. – Клевец штука дельная. Пробьет и кольчугу и броньку. Голову вместе со шлемом пробивает, аж с песней! – причмокнул мужик.

– А ты, что ли, пробовал? – осторожно спросил Федя. – Может, тебе туда, к стрельцам да копейщикам русским надо лучше, чем в этой ватаге быть?

– Эх, нельзя мне туда в войско, я ж беглый ушкуйник! Мне даже к татарам нельзя! Татары меня распознают – за ребро подвешат, русские – на колесе изломают.

– За что же? – изумился Федор.

– За то, что погулял в своей жизни и по тому, и по этому бережку, любезные казачки. И еще погуляю! – подбоченился левой рукой собеседник, правой поигрывая длинным, необычно загнутым вперед ножом.

В первых рядах, уже ступивших на левый берег Волги, слышалось оживление. Ночную тишь разрезали одиночные крики, видимо, пытающиеся ободрить разношерстное войско. Залаяли собаки, раздалась татарская брань. Сергуля из толпы мог видеть, что слева от них стояло два больших судна с мачтами и множеством свернутых парусов. Впереди он видел только спины и чувствовал запах немых тел, сзади его подталкивали. Постепенно становилось просторнее, людская масса растеклась по берегу и вытолкнула Сергулю с Федей на передний край. Перед ними открылась татарская деревня, которую при луне можно было разглядеть в деталях. Рядами, чуть спрятавшись в своих садах за резными палисадниками, стояли бревенчатые избы и сараи, обитые горбылем. По широкому берегу были развешаны рыбацкие сети на подпорках. В небольшом заливе качались несколько длинных, человек на двенадцать, деревянных лодок с веслами. Два больших корабля стояли в лунной дорожке на якорях. Корабельный остов, как скелет древнего чудища, покоился на подставках поодаль.

Против приплывшей вооруженной толпы стояли вразнобой крестьяне и ремесленники, вероятно, хозяева этих мест. Их было не более сотни мужиков и совсем молоденьких ребятишек. Многие держали в руках вилы, топоры и багры. Движение вышедших на берег невольно замедлилось и совсем стало. Когда во дворе назревает большая драка, ей обычно предшествует перепалка, взаимная ругань, переходящая в блажь. То же происходило и теперь. Назревала драка, ничем не похожая на великие сражения старозаветных времен, о которых Сергуля читал и слушал в доме причта Трифононской церкви. С казанской стороны усиливались выкрики, из толпы приплывших – ответы. Тюркская речь перемешалась с русским матом. В это время по правую руку выстроилась шеренга стрельцов, приготовивших пищали к бою. Две противостоящие массы людей сходились ближе, различимы были черты и выражения лиц и оскорбительные жесты. Сергуля, уже и не пытаясь унять бешеный ритм сердца, сжимал до белизны в пальцах свой клевец и лихорадочно думал, кто из этих, стоящих напротив, сойдется с ним через мгновение в драке. Почему-то взгляд останавливался на седом старике с длинной седой бородой, как на китайских картинках.

Вдруг один из казанских мальчишек со смехом запустил в толпу камень. Потом еще и еще. Круглых, подходящих для ладони камней на берегу было много, и казанцы начали закидывать ими строй незваных гостей. Сергуле угодило в плечо, боли почти не было. И вот один из увесистых гольшей прилетел прямо в голову беглому ушкуйнику, стоящему позади ребят. Удар был похож на стук толстой палки по деревянной бочке.

– Ах ты ж..! – заорал ушкуйник, даже не прикасаясь к рассеченному лбу. Он оттолкнул стоящих по сторонам, выскочил из шеренги и с диким взглядом обернулся к своим. В лунном свете его фигура была страшной, в левой руке нож, в правой кистень на цепи. Торчащая клоками в стороны борода и кровь, стекающая по лицу, только дополняли мефистофельскую картину.

– Сарынь на кичку!¹ – заорал он в сторону своих и, развернувшись, кинулся на самого по виду крепкого противника – молодого татарина с длинными вилами. Кривым ножом ушкуйник легко прижал вилы к земле, а кистенем привычным ударом разбил парню голову еще до того, как кто-то успел что-то понять.

– Сарынь на кичку! Сарынь на кичку!

Боевой клич ушкуйника был поддержан в разных концах толпы, и несколько таких же лихих молодцев стали пробиваться к противнику, подталкивая тех, кто медлил вступать в бой. Сергуля и Федя инстинктивно держались за своим старшим беглым соратником, который тараном прокладывал себе путь, жестоко круша казанцев одного за другим. Бой размешался на множество драк. Кого-то прижали вилами к стене сарая. Кто-то падал, закрывая руками разбитое лицо. Сергуля пытался уворачиваться от летящих довольно метко камней, но это получалось через раз, и страх в душе уже уступил место ярости. Желание врезать кому-то острой железкой владело не им одним, а стало всеобщим. Особенно, когда падающие камни сменились острыми стрелами. Со стороны старого кладбища, расположенного в дубовой рощице, летели острые оперенные жала, большинством своим втыкаясь в песок, но часто задевая и людей. Кому-то стрела проткнула горло, кому-то впиалась в плечо.

– Шас от рощи пойдут! За подмогой послали, черти! Сначала лучники – потом рубка! – крикнул ушкуйник, не обращая внимания на воткнувшуюся в руку ниже локтя стрелу.

– Алга! Алга!² – прозвучало справа, и в гущу дерущихся устремился поток всадников со стороны Казани. Все это было прекрасно видно наблюдающему за ходом резни князю Серебряному с крутой горы.

– Этак, княже, конец нашим бродягам пришел! – заметил громко также конный Фуфай.

– Конец этим сыроядцам и так один! А татары пусть повылазят да поувязнут. Фуфай, скачи к стрельцам! Чтоб наготове были, чтоб дружно там у меня! – скомандовал князь. Фуфай тронул коня и скрылся вниз по склону.

Между тем смешанной ватаге приходилось уже совсем худо. Почти не вооруженная толпа не могла противостоять конному отряду, мерцавшему в лунном свете чешуйками доспехов и кривыми саблями. Драка превратилась в массовую казнь. Всадники рубили направо и налево, лошади уже скользили по убитым и умирающим, оставшиеся жались к кромке воды и пытались бежать, настигаемые ударами если не сабель, то вил и заступов. Дошла очередь и до мальчишек. Молодой, чуть старше их возраста татарин с конским хвостом на кожаном шлеме развернул к ним своего коня и два раза провернул в руке окровавленный уже клинок. Обернувшись в поисках спасения, Федор увидел открытые ворота во двор крайнего к Волге дома.

– Туда! – крикнул монашек и дернул Сергулю за рукав. Мальчишки шмыгнули за скрипучие створки. Конный двинул за ними. Во дворе стояла изба с распахнутой настежь дверью,

¹ Древний боевой клич, отголосок воровского языка волжских разбойников – ушкуйников. Дословно призыв собраться всем несчастливым на носу или корме и не помышлять о сопротивлении.

² По-татарски «вперед». Примечательно, что татары в шутку замечают: «У нас нет слова «назад». Потому как не привыкли убежать, отступать. Если нужно в обратную сторону – разворачиваемся и снова – Алга!».

внутри отчетливо слышались шум и бабьи визги. Ребята бросились к сараю, вернее к лестнице, ведущей на сеновал. Инстинктивно у обоих мелькнула мысль, что всадник не будет бросать коня и за ними не полезет. Так и вышло. Переводя дух на прошлогоднем сене, мальчишки услышали шорох. В следующее мгновение чьи-то сильные руки вырвали у них из рук клевцы и швырнули в темный угол. В просвете было различимо лицо старика с седой бородой, которого Сергуля приметил еще в строю. Глаза старца были сужены, а лицо искажено дикой злобой. Взяв в сухие руки отточенный заступ с широким лезвием и бормоча непонятные ругательства, он явно примерялся – как ему забить двух русских на сеновале, высота которого не позволяла размахнуться сверху вниз. Как Сергуля вспомнил о заткнутом за пояс под душегрейкой дедовом маленьком топорике – об этом он будет пытаться вспомнить потом. Но сейчас он нащупал единственное свое верное оружие. Не выдержав напряжения, Федя кинулся к просвету наружу, к лестнице. Старик пытался ударить мальчика по спине, но монашек упал и пополз к спасению. Удар пришелся по ногам. Одновременно Сергуля, вложив все силы в свой топорик, ударил старика по голове. Зажав рану, тот еще пытался орудовать заступом, но Сергуля молотил топориком уже куда попало в темноту, мало соображая и чувствуя что-то, пока не понял, что старик выронил орудие и больше не сопротивляется, а только закрывается от ударов, стоя на коленях.

Тогда уже Сергуля обернулся на Федю, который сидел на порожке проема сеновала и улыбался.

– Сергуля, ты помоги-ка мне ногу закинуть, не получается у меня!

Сергуля засунул топорик за пояс, дотронулся до ноги, нелепо вывернутой носком вверх, и понял, что она болтается в окровавленной штанине, как посторонний кусок мяса.

– Ты чего не кричишь! Не больно? – спросил нервно Сергуля, пытаясь тащить Федю, но тот обмяк, как мешок с известью, – самая тяжелая ноша в понимании подмастерья. Сергуля сделал усилие, выволок покалеченного на лестницу и скатился по ней вместе с ним вниз, не обращая внимание на ушибы.

– А, казачки! – услышал Сергуля знакомый голос. Это беглый ушкуйник стоял возле убитого всадника, который загнал мальчишек в этот мрачный двор. Двое таких же шустрых мужичков стаскивали мягкие сапоги с недавно еще живого, а теперь распластанного с перерезанным горлом казанца.

– Нефед! Давай делить че взяли! – вяло предложил один из них.

– Что я с шей, с ушей да с пальцев посрывал, то мое! – похлопал ушкуйник себя по мешочку, висящему на поясе, и начал прилаживаться к стремяни коня. – Есть желание порыться в чуланах и сундуках – ступайте в дом. Там бояться некого, никто уж не шевелится! – засмеялся ушкуйник и шагом тронул лошадь из двора.

Тащить Федю, потерявшего уже сознание, было невыносимо тяжело. Сергуля смог привалить его к забору и сел рядом почти без сил, вытащил из фляги пробку и сделал несколько жадных глотков. Вдруг раздался неровный залп, как будто раскат дальнего грома, потом второй – сильнее, громче. Берег, наполненный ржанием коней, криками и стонами, заволакивало облаком белесого дыма. Сидящий спиной к забору Сергуля держал на коленях голову друга и безучастно наблюдал, как мощно, до содрогания земли, врезалась в рассредоточенных по берегу казанцев сверкающая бахтерцами и зеркалами конница князя Серебряного. Ему даже показалось, что мимо пронеслась фигура самого князя на идущей быстрой рысью серой лошади. Он отчетливо видел, как рослый казанец какое-то время умело отбивался двумя саблями от наседавших на него стрельцов, а потом рухнул, подкошенный выстрелом огненного боя. Шеренга пеших стрельцов, через одного с факелами, быстро прошла вдоль берега к устью Казанки, старательно запаливая все стоящие вдоль лодки. Зарево пожара отразилось в редких облаках и окрасило холмы противоположного берега. Помалу занимались огнем стоящие на якоре парусники. Где-то еще слышались ругань и железный стук отдаленных стычек, но скоро и это стихло. Слышался только треск большого пожара. Подтянулось несколько подвод. Слезшие с

них мужики с пиками или баграми, их было не больше дюжины, ходили по берегу, осматривая лежащих. Иногда втыкали пики в шевелящиеся или хрипящие обрубки – добивали, чтобы не мучились. Некоторых за руки, за ноги грузили на подводы.

– Живые, что ли? – показал один из мужиков на Сергулю и лежащего пластом Федю.

– Да вроде как! Чего молчите-то? – откликнулся другой мужик, уставившись на мальчишек. – Идти можем?

Сергуля кивнул и стал подниматься и поднимать Федю.

– Не замай, иди уже сам, – сказал Сергуле один из мужиков, сгреб Федю в охапку и потащил, быстро семеня, до телеги.

Обратный путь был скучен и тосклив. Сергуле невыносимо хотелось на Круглую гору, а лучше домой, в Напрудное. Навалилась тоска по деду, стало стыдно за свою блажь, которая таким вот неожиданным образом обратилась в явь. Только с середины Волги стал обозрим масштаб большого пожара. Горела почти вся Бишбалта – казанский рабочий приселок, где жили рыбаки, кормчие, мастера по строительству и починке лодок – в общем, семьи, кормившиеся большой рекой, называемой казанцами Итилью.

– Мы тут с дружиной князя Серебряного прошлись, чтобы не было на чем плавать казанцам, чтоб не мешали большой стройке! – пояснил Сергуле сидевший рядом стрелец с разорванным рукавом кафтана. Он, оказывается, уже некоторое время что-то рассказывал Сергуле, но мальчику было не до того.

Федю, метавшегося в горячке, сгрузили с подводы у избы отца Макария.

– Боже милостивый, Федор! Так кто ж тебя? Изверги! – услышал за спиной причитания монаха Сергуля, спускавшийся к реке. К лодке, на которой приплыли они сюда почти два дня уже назад, так и стоявшей, привязанной к наклоненной к воде толстенной иве. Сергуля опустил в воду руки, немного поболтал ими, потом с удовольствием умылся. Отвязал лодку, толкнул ее в воду и одновременно, широко шагнув, забрался внутрь. Поднял с днища весла, вставил в ключины и повернул к Круглой горе.

– Это сколько же ты там у отца Макария дел-то переделал? Ну, с добрым утром, внучек! – приветствовал Сергулю дед. – Ты чего такой битый, с мальчишками подрался?

– Да, повздорили, – кивнул Сергуля.

– Ну не беда, заживет! Да и помириться! Пошли к мысу!

Стрижок тоже был рад возвращению хозяина и, подпрыгивая, сопровождал деда и внука до самого обрыва.

– Красота! Ты посмотри, какая красота! – Сухой обычно на эмоции Молога даже раскинул руки, как будто хотел обнять открывающуюся перед ним картину. С Волги в лучах утреннего солнца к Свияге заходили десятки парусных судов и плоты, плоты до самого горизонта.

– Дьяк Выродков целый город по реке сплавляет, молодец! – восхищенно с глубоким вздохом сказал Александр Иванович. – Ты, Сергуля, быстро в кухню, каши тебе дадут, сбитня там, хлеба утрешнего. Мастеровые уж отобедали. И на стройку, работы невпроворот, а ты все прохлаждаешься!

– Ааа, мастера уже новое место для стройки выглядывают?! Хотят успеть, пока не заняли! – подошел сзади Василий с явным настроением шутить и веселиться. – Куда засмотрелись? А, корабли, плоты. Что ваши корабли? Гляньте, как из-за горы дым стелется, это под Казанью князь Серебряный с дружиной погулял. Вам что, стучи себе по бревну. А мы вот, чтобы казанцы напасть не смогли да подгадать такому зодчеству, посад у них да все струги пожгли. Теперь не сунутся, даже если бы хотели. Не-е, умен да крут наш князь Петр.

– Ты в вылазку на Казань ходил? – удивился Молога.

– Нет, Иваныч. Князь только со своей дружиной и «детьми боярскими» – сынами бояр да воевод ходил. Кабы нас с Сергулей взяли, мы бы хана с ханшей на веревке привели, да, племянник?

– Наверно, да, – кивнул Сергуля, не меняя тяжелого взгляда.

– Ух, Василий! Пузо вперед после каши гороховой, смотри не лопни, защитник! – хлопнул его по животу Молога.

– Ну, дядя Саша! – не ожидал стрелец. – Кабы кто другой, я бы!..

– Давай-давай, Вася. Охранять есть что – видишь, сколько труда сделанного по реке пришло. Смотри в оба.

– Ну все себе взяли правило указывать сотнику. То бояре, то воеводы, то мастеровые уже кажут... – ворчал добродушно Василий, спускаясь к реке, где за два дня уже была устроена широкая пристань. Сергуля поплелся к кухне, по дороге протирая топорик сорванным пучком травы.

Плач Сююмбике

Мой милый Иван, властелин земель, вод, городов, войск и каждодневных дум моих!

Сююк, которая старается не плакать, вспоминает тебя каждый день и каждую ночь. До встречи с тобой самым счастливым подарком небес было рождение лучезарного Утямьши, моего солнечного сыночка. После нашей волшебной ночи у меня появилось еще одно воспоминание. Когда меня касался и ласкал ты, настоящий муж, желающий меня, а не золота и власти моего отца. Разве можно сравнить горячее биение твоего сердца с целыми годами, проведенными в замужестве? Сначала меня в 12 лет купили для Джан-Али, который меня даже не коснулся. Потом подарили пятой женой доброму, но старенькому Сафе, который никак не обидел меня, потому что видел всего четыре раза в жизни. И только ты наполнил меня жизненной силой, но этой силы мне нужно еще. Твоя Сююк очень скучает и верит, что ты снова придешь. Мне нужна твоя сила, мне нужна твоя храбрость, которая однажды привела тебя в мои объятия. Мне нужна надежда на встречу. Когда я увижу тебя? Дай мне весть и надежду!

Тогда мне легче будет переживать все, что происходит. Возлюбленная моя Казань стоит хмурая и голодная. Моя верная Динария – источник всех вестей, потому как Шах-Али не допускает к нам более никого, кроме мулл-наставников Утямьши и прислуги для уборки. Динария говорит, что с севера и с Нагорной стороны окружена Казань полками князя Серебряного, который много сотворил недоброго, спалил приселки и не пускает вверх по Волге ни одного казанца. Сюга, со стороны великой степи, стоят отряды татар из Касимова, которые пуце стрельцов беды творят. На Ташаяке пусто, потому как купцов в Казань не пускают. Луга вокруг стоят не кошеные, поля не паханы. Мне приходится в это верить, ведь меня не выпускают из нашей половины дворца, и самой ничего видеть не дано.

Несчастный Шах-Али, толстый человек с большой головой и рысьими ушами, наивно думал, что я достаюсь ему в жены как приятный дар к ханскому престолу, и решил овладеть не своим немедленно. Но вылитый ему один раз в лицо горячий кофейник сильно огорчил и ожег сточил твоего наместника. Власть свою Шах-Али на беках и мурзах показывает. Касимовские силой забирают жен и дочерей не только знатных, а и простых посадских людей. Говорят, что увозят в село Шигалево для потехи нового хана. А может, сами с ними тешатся. Вот дочку бека Отучева вернули обратно люди Шах-Али, а она через два денька в Казанке утопилась. Лесные князьки и вожди-сыроядцы в веру Исе Христу обратились и на поклон да за подарками в Ивангород Свияжский ходят. Злые люди в Казани ходят и по домам сидят. Что им думать? Что в бедах их виноват поставленный из Москвы дурковатый мстительный хан и что царица и хан-дитя не могут быть им защитой? Куда обратят они свои глаза и ноги за помощью?

Это все печалит меня. Рано или поздно Шах-Али перестанет терпеть и озверевает совершенно. Или на смену ему придет другой, кто тоже захочет сделать царицу Сююмбике игрушкой, а царевича товаром для обмена. Хочу, чтобы знал ты, ненаглядный Иван, что Сююк принадлежать больше никому не будет и что хочет только одного. Хочет увидеть тебя, своего храброго и сильного льва, пока видят глаза, почувствовать, пока чувствуют руки, и поцеловать, пока губы ждуют твоего тепла и наполнены любовью. В каждом ударе сердца думы о тебе.

Роняющая слезы Сююк.

Иван свернул и отложил письмо. «Как же жарко натоплено! В Чудовских садах уже отцвели вишни, уж кипят белой пеной яблони, а они все топят!» – подумалось царю с раздражением.

– Игнатий! Прикажи не топить! – крикнул царь и расстегнул ворот шелковой рубашки.
– Батюшка-государь! Мамки великой княгинюшки Анастасьи велят топить жарче! – появился невесть откуда на зов хозяина царский слуга.

– На кой?! Жара на Москве стоит такая, что пожару только ждать!

– Так княгинюшка на сносях, разрешится скоро! Они сетуют, что маме и дитю сыровато в палатах будет. Радости-то какой ждем! Наследника! – прихлопывал языком Игнатий.

– Сыровато им в липовых срубах да на белокаменных подклетах! Бабье племя! Игнатий! Ночевку готовь в тереме на Арбате! Княгине знать того не нужно, пусть с мамками и няньками в тепле сидит, а то замерзнет! – сказал царь отрывисто, с нескрываемым раздражением, и погрузился в думы. Жена Анастасия была хороша, чиста и покорна. Она и не видела в жизни своей никого и ничего, кроме своего милого Ивана. Вся жизнь царицы заключалась в ожидании, когда царственный муж придет, взглянет, одарит словом, а может быть, приласкает. Она была красива и нежна, но Ивана сейчас раздражало даже упоминание о жене. Ему казалось, что Кремль с палатами и светлицами, с лицами благообразных дьяков и чинных бояр – что все это висит на ногах гирями. А если бы кто-то заикнулся сейчас о жене или, не дай бог, показался кто-то из ее дворни, Ивану казалось, его разорвет изнутри от ярости.

Сююмбике была другой. Обладать ею было сродни ощущению победы, выигрыша в поединке, триумфу личного достоинства. Заменить это чувство в положении русского царя, которому подвластно все, по мановению руки которого доставалась не только любая женщина, но и любой подданный без вопросов клал голову на плаху, было просто невозможно. Она одна могла шутить над ним и даже ерничать. После той памятной зимней ночи он много раз, проезжая по Москве, особенно через Таганку или Замоскворечье, выхватывал взглядом из толпы стройную фигуру с черными волосами и легкой грациозной походкой. Сердце замирало на какую-то долю мгновения, и тут же в голове отдавалось молоточком: «Не она! Да она и не может быть!» И сейчас Иван тряхнул головой, отгоняя гложущие мысли.

– Недужится, великий государь! Нам, может, покинуть палату? – нарушил молчание князь Серебряный.

Иван поднял взгляд и отрешился от раздумий. Между тем перед ним стояли, ожидая дальнейших распоряжений, Алексей Адашев, Семен Микулинский, Иван Выродков, мурза Камай и упомянутый уже князь Серебряный, который в числе иных докладов привез и письмо Сююмбике.

– Читали?! – сдвинул брови Иван.

– За что обижаешь, отец родной! – забасил Серебряный. – Девка царицына, Динка, до Свяжска добралась и мне так запечатанно доставила.

– Динария... она куда хочешь доберется, – заметил Иван. – Что на словах?

– От Сюнбеки ничего более, кроме поклона нижайшего и просьбы не медлить с помощью. А вокруг Казани дел сделано много, указы твои, великий государь, в точности исполнены. По Волге ни вверх, ни вниз казанским хода нет. Град Ивангород на Свяге стоит твердо.

– Ты правда крепко пошалил в казанском посаде, Петя? Что же ты ссоришь меня с татарскими мурзами? – прищурился Иван.

– Да какое же баловство, государь! Я ждать, пока казанцы придут мешать постройке, не могу. Бишбалту пожег, верно. Все струги и лодьи казанские спалили, по посаду до самой крепости дошли. Ожидал, что Епанча Арский на подмогу кинется, сшибиться с ним готов был. Да не случилось, не пришел, лис увертливый. Ну казанцам теперь есть какие раны зализывать, не до Ивангорода, чтобы мешать, – пробасил скороговоркой Серебряный.

– Верно, дьяк, что город вдвое больше оказался, чем под Угличем срубили? Что же, плохие меры были? Али уворовали леса? – переключился царь с цепким взглядом на Выродкова.

– Великий государь, то правда, да не совсем. В лесах на Верхней Волге места ровного мало, овражки, ручьи да топи, вот рубили где придется. Пришлось дорубить по месту, – с достоинством и вежливым поклоном ответил дьяк.

– Какие нужды имеет новый город?

– Нужда одна, великий государь. Чтобы ты вступил во владения, чтобы первые молебны прошли с тобой, Божьим духом и плотью на земле грешной, – опять поклонился Иван Выродков.

– Опытен ты в службе царской, дьяк Иван! – усмехнулся царь. – Ну а земного чего недостаток?

– Прислать бы сотни две стенщиков да ломцев, камень начать по правому берегу колоть да к Свияжску подвозить. Война пройдет – обитель каменную, твердыню ставить все равно время придет. Твердо православие на Волге встанет. Мы уж и сейчас ставим дома на каменные подклеты, от пожара сохраннее! – сказал Выродков.

– Это верно, встанет православие в Свияжске, и крепостию он должен быть твердой. Алексей! – повернулся царь к Адашеву. – Ты пометь и не дай запомнить. С Севера Русского пришем каменщиков храмы ставить. А насчет войны ты, дьяк, поспешил. Войны с Казанью творить не будем, она целой жемчужиной войдет в ожерелье городов русских. Что скажешь ты, Алексей?

– Скажу, государь, что приму волю твою безусловно. Но в то, что Казань войдет в Московское царство как есть, не верю. Уж прости! Слишком много там всякого, не с кем толком и переговоры вести. Каждый из вельмож мнит себя ханом, кто-то хочет в друзья крымских, кто-то ногайских! – ответил Адашев.

– Тут не нужно сомневаться, Алеша, ведь переговорщиком и проводником воли моей царской ты поедешь. Передашь Шах-Али волю мою, чтобы открыл все ворота и впустил московское войско в крепость. Что ханом будет самый достойный и верный нам казанский вельможа. Верно говорю, мурза Камай? – делано сладким голосом протянул Иван и указал на мурзу двумя пальцами. Усатое лицо Камая накрыла сладостная улыбка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.